

От автора бестселлера
«В ореоле тьмы»

Тягачница
Звезда

Дана Делон

Дана Делон
Падающая звезда
Серия «Trendbooks»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42368680
Д. Делон. Падающая Звезда: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-00154-869-0*

Аннотация

Все начиналось как в сказке. Эстель и Квантан знакомятся на настоящем балу. Он крадет ее первый поцелуй... и ее сердце. Оставляя лишь один вопрос: это любовь? С первого взгляда... а быть может, с первого поцелуя? Очень быстро сказка превращается в кошмар. Ужасный скандал делит жизнь молодых людей на до и после. Они теряют друг друга на несколько лет. Говорят, любовь живет три года... а любовь в разлуке живет всю жизнь. Суждено ли Эстель встретиться с Квантаном? Готова ли она к встрече, которая станет самой яркой вспышкой в ее жизни – такой же яркой, как падающая звезда в ночном небе?

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	30
Глава 3	63
Глава 4	88
Глава 5	107
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Дана Делон

Падающая Звезда

© Дана Делон, 2021

© ООО «Клевер-Медиа-Групп», 2023

© Muna Nazak / Trevillion Images

© Magdalena Wasiczek / Trevillion Images

* * *

ПЛЕЙЛИСТ

1. Maroon 5 – «Memories»
2. Lewis Capaldi – «Someone You Loved»
3. Ed Sheeran – «Perfect»
4. Sam Fischer – «This City»
5. Sam Smith – «I'm Not the Only One»
6. John Legend – «All of Me»
7. James Arthur – «Falling Like the Stars»
8. One republic – «Apologize»
9. Gnarls Barkley – «Crazy»
10. Dan + Shay ft, Justin Bieber – «10,000 hours»
11. The Chainsmokers, Coldplay – «Something Just Like This»
12. Maroon 5 – «She Will Be Loved»
13. Adele – «Rolling in the Deep»

14. Ed Sheeran – «Shape of You»
15. Shawn Mendes – «Mercy»
16. Birdy – «Skinny Love»
17. Harry Styles – «Sign of the Times»
18. Taylor Swift – «Love Song»
19. Joel Adams – «Please Don't Go»
20. Lovelytheband – «Broken»
21. Beyoncé – «Halo»
22. Lauren Daigle – «You Say»

Часть первая

L'esprit cherche et c'est le coeur qui trouve.
George Sand

Разум ищет, и только сердце находит.
Жорж Санд

Глава 1

Эстель

2016 год

Марион без стука врывается в мою комнату:

– Знаю, что твоих друзей-неудачников дома не кормят. Но если они еще раз съедят весь мой шоколад, я расчленю каждого и закопаю в лесу.

Ее гневную тираду прерывает звонок телефона. Взглянув на экран, я специально придаю лицу робкое выражение и смотрю ей в глаза, намекая: «Тебе пора». Но она лишь складывает руки на груди и приподнимает идеально выщипанную бровь, словно говоря: «Мы еще не закончили».

Я подношу телефон к уху и, не сдерживая улыбки, говорю:
– Привет, Алекс!

Марион опускает руки и переминается с ноги на ногу. Секунду она выглядит растерянной, но быстро берет себя в руки.

– Как дела, малявка? – раздается на том конце.

– Все было бы намного лучше, если бы ты, братец, вчера не слопал весь шоколад нашей сводной сестрички. Эта жади-на угрожает разорвать тебя на кусочки, – самодовольно тараторю я и ехидно улыбаюсь.

Марион меняется в лице. Конечно, одно дело, если шоколад съели мои друзья-«неудачники», и совсем другое, если это сделал Алекс. Он подобен королю, ему добровольно отдадут весь шоколад мира и будут с восхищением наблюдать, как он его поедает. Есть люди, которым можно все. И есть Алекс, которому можно абсолютно все.

– Я этого не говорила! – кричит Марион, резким движением поправляя свои каштановые волосы.

Ее зеленые глаза смотрят на меня с нескрываемым раздражением. Она красивая, стоит признать. В ней есть что-то кошачье, притягательное, но отвратительный характер и манера общения не дают проникнуться ее положительными качествами. Дома она воет, как сирена, а на людях – лапочка, леди, недоделанная аристократка, чтоб ее...

От крика Марион звенит в ушах. Алекс начинает смеяться: наверняка представил себе мое перекошенное лицо.

– Заеду за тобой в течение часа, поужинаем с мамой. Спустишься? Не хочу подниматься, – по-прежнему смеясь, спрашивает он.

– Не хочешь подниматься? – громко переспрашиваю я и в упор смотрю на Марион. – Интересно, почему?

Не скрывая сарказма и не отводя взгляда, приподнимаю бровь, делая вид, что слушаю ответ Алекса, и произношу:

– Да, одолжу тебе свои беруши.

Марион фыркает и, задрав нос до потолка, покидает комнату, громко хлопнув дверью.

– Эль, ты растешь стервой, – со смешком говорит мой братец.

Кладу трубку и, улыбаясь, иду к шкафу выбирать наряд для нашей встречи. «Растешь стервой», – прокручиваю в голове его слова. Наверное, так и есть. Мой характер вполне можно назвать скверным, но в этом виновата не я одна. Думаю, немалую роль сыграла атмосфера в нашей семье. Я, конечно, очень люблю Антуана и Луизу. Первый претендует на звание самого заботливого отца, вторая – на роль самой понимающей и любящей матери.

И я им очень благодарна за все хорошее, что они для меня сделали, но... Есть парочка «но».

Насколько мне известно, у мамы с папой нетривиальная история любви. Они познакомились в юном возрасте, на выставке тогда еще не особо известного, но талантливого,

перспективного художника Жан-Люка Форестье¹. Антуан и Луиза приближались к порогу совершеннолетия, Жан-Люк опережал их всего на пару лет. И, как однажды мне призналась мама, она влюбилась с первого взгляда... в обоих. Впрочем, это заявление требует маленького уточнения. Ее сразу же покорила талант Жан-Люка, его невероятные работы. А вот ее девичье сердце покорила мой папа – юный аристократ Антуан дю Монреаль. С тех пор прошло более тридцати лет, в течение которых они успели дважды вступить в брак друг с другом и дважды развестись. Да-да, первый раз они развелись через год совместной жизни. Им было по двадцать два, и, как оказалось, они были не готовы к тому, чтобы стать семьей. Но у судьбы имелись свои планы на их счет.

После развода мама узнала, что беременна, и эта новость произвела настолько сильное впечатление на них обоих, что они вновь сошлись. А спустя девять месяцев познакомились с Александром-Антуаном дю Монреалем, или просто Алексом – моим старшим братом, занозой в одном месте и обладателем самого тупого, но невероятно заразительного юмора. Так как мои родители были очень молоды и не готовы к такой ответственности, как ребенок, воспитанием Алекса занимались все: бабушки и дедушки, тети и дяди. Если выражаться точнее, все его просто баловали. Он был любимцем в семье, и каждый считал своим долгом исполнить любой его каприз. В какой-то момент отец повзрослел, как выразилась

¹ Вымышленный художник.

моя бабушка, и взял воспитание сына в свои руки, но это мало что изменило. Алекс был и остается большим и несерьезным ребенком. Мне иногда кажется, что я старше его, хотя ему тридцать, а мне всего пятнадцать.

Второй раз моих родителей хватило дольше чем на год. Они четырнадцать лет жили под одной крышей, делая вид, что воспитывают Алекса, вдохнувшего новую жизнь в их брак. Но то ли эта жизнь была недостаточно насыщенной, то ли Алекс слишком повзрослел. В четырнадцать лет его отправили в школу-пансион, а сами снова развелись. Но через девять месяцев после развода, решив не нарушать «добрую» семейную традицию, на свет появилась я – Эстель-Элеонор дю Монреаль.

Будучи еще маленькой девочкой, я поняла, что моему семейному древу может позавидовать сама королева Англии. По крайней мере, так говорила бабушка Элеонор, в честь которой я получила второе имя. Еще я осознала, что чудеса происходят лишь однажды. Конечно, если вам очень повезет, судьба смиростивится и может подарить второй шанс. Но третьего точно не будет. Итак, мои родители развелись во второй раз, и уже ничто не могло им помочь, даже рождение второго ребенка. Они лишь договорились о моем совместном воспитании. На этом история их любви закончилась и начались новые истории. Спустя какое-то время мама вышла замуж за ранее упомянутого Жан-Люка, а папа женился на невыносимой бестии по имени Мари. Так моя жизнь разде-

лилась на две семьи и два дома.

От Жан-Люка вечно пахнет красками и ацетоном. Еще у него всегда до ужаса задумчивый вид. Он считает, что обязан творить историю, вносить в мир безнадежного современного искусства нечто тонкое и изысканное. А мама считает себя его музой. Его успех – это ее успех. Она готова жить среди паров ацетона и красок с блаженной улыбкой на лице и не спать вместе с ним, просиживая ночи напролет в мастерской. Мама, как и он, порхает в облаках, не думая о суете этого мира. Когда я смотрю на них, у меня появляется мысль, что любовь к деятельности определенного человека может быть важнее любви к нему самому.

Поясню. Мама была без ума от моего отца, но ревновала его ко всему: к работе, друзьям, даже к родственникам. Ей хотелось, чтобы все его время принадлежало лишь ей одной. Отсюда обиды, срывы, непонимание и все, что приводит к неминуемому разводу. Отцу же в наследство досталась разоренная транспортная компания, и он очень много работал, чтобы выплыть из долгов и поднять фирму на новый уровень. Это сейчас он заключает миллионные сделки, но вначале все было по-другому. Луизе неинтересна его работа, она никогда не вникала в его проблемы. А с Жан-Люком дела обстоят иначе. Она влюблена в его дело и так же, как он, готова положить свою жизнь на достижение поставленных им целей. Они поженились десять лет назад, и с тех пор в их доме не было ни одной ссоры.

Жан-Люк никогда не пытался заменить мне отца. Он скорее мой хороший друг. Антуан же действительно выполняет обязанности самого лучшего папы на свете. Даже когда нас разделял океан. Я долго жила в Нью-Йорке вместе с мамой и Жан-Люком. Папа остался в Париже и, несмотря на работу, отнимавшую все его время, чаще мамы справлялся о моей успеваемости в школе и при необходимости нанимал репетиторов, чтобы я не отставала, поддерживал любые мои начинания. Антуан серьезен, Луиза легкомысленна. Она никогда не проверяла мой дневник, часто выступая соучастником прогулов. Вообще, жизнь в ее представлении проста: что хочешь, то и делай.

Антуан считает такое воспитание неподходящим для современных детей, которым придется выживать в жестоком мире, где царит высокая конкуренция. Но для моей мамы он отнюдь не жестокий. Она красивая, умная, уверенная в себе и всегда веселая. Ей все дается легко, я тоже хочу быть такой. Ведь другие взрослые – серые, уставшие, замкнутые – не вызывают вдохновения! Мама же – фейерверк. Сдается мне, именно это качество отец любил в ней больше всего, но, сам того не замечая, своими поучениями чрезмерно воспитывал ее и тушил этот огонь. Прозвучит банально, но они не созданы друг для друга. Каждый раз удивляюсь, вспоминая, что когда-то их объединяла большая яркая любовь. Об этом мне поведала все та же бабушка Элеонор. Она с сияющими глазами рассказывала, как Антуан ухаживал за Луизой и на-

сколько эти «дети» были счастливы вместе. Я же, видя, как они постоянно спорят, начинаю сомневаться в том, что одной любви достаточно. Струна между ними бывает натянута до предела. Но папа всегда уступает: стоит маме показать, что она расстроена, как он успокаивается и ему становится совестно. Луиза говорит: женская сила заключается в слабости. Это наталкивает на мысль, что она манипулирует отцом, а он, если и догадывается о ее мотивах, ничего не может с собой поделать. Ему категорически не нравится ее расстраивать.

Мы долго жили в разных концах света, но я знала, что так будет не всегда. В один прекрасный день Жан-Люк решил переехать в Индию, точнее на Гоа, в поисках вдохновения. Разумеется, они с мамой не видели в этом проблемы. Я лишь должна была собрать свои вещи, переехать вместе с ними, учиться на дому с репетиторами и радоваться жизни. В тот момент я осознала, почему мой папа возмущается, контактируя с этой сумасшедшей парочкой. Я попыталась объяснить, что у меня три последних важных года в школе и все мои друзья живут на Манхэттене. Но мне отвечали с улыбкой и энтузиазмом: «Эль, детка, это же так здорово! Ты заведешь новых друзей, увидишь новую страну, проникнешься невероятным местным колоритом. Ты ведь так любишь индийскую кухню!» Мне хотелось орать. Какая, к черту, кухня?! Парень из параллельного класса позвал меня на свидание, и в школе скоро осенний бал! Я стала фотографом в школьной

газете, и вообще все мои мечты только-только начали сбываться. Но мне сказали, что в моей жизни будет еще много разных парней и нужно смотреть на ситуацию шире. Сейчас жизнь дает великолепный шанс!

Недолго думая, я позвонила папе. Рассказав обо всем, стараясь не слишком сгущать краски и не жаловаться на маму, я спросила, могу ли пожить с ним. Я была готова переехать в Париж, но не на Гоа. Мама сначала хотела обидеться на меня, но я не позволила.

– Ты делаешь что хочешь, – глядя ей в глаза, сказала я. – И я делаю что хочу. Даже не думай обижаться, твои манипуляции работают только с папой.

Повисла тишина. Мне стало казаться, что я перегнула палку, но мама неожиданно расхохоталась, обняла меня, назвала «своей дочерью» и отпустила в Париж. Так в возрасте пятнадцати лет я села в маленький частный самолет отца, который через несколько часов приземлился в небольшом аэропорту Парижа – Бурже. И началась моя новая, французская, жизнь.

В тот момент я испытывала смешанные чувства. Когда тебе пятнадцать, переезжать в другую страну и идти в новую школу – довольно серьезное испытание. В старой школе я пользовалась популярностью. Модная француженка из богемной семьи – таковы были мои имидж и визитная карточка. Много друзей, планы на каждые выходные – в общем, жизнь была ключом. Переезд словно отбросил меня

назад. Во-первых, мне казалось, что я хорошо говорю по-французски, но скоро выяснилось, что лексикон моих родителей сильно отличается от тех словечек, которые используют местные подростки. Во-вторых, в парижской школе никого не удивишь французской модой. В-третьих, возникла проблема в лице сводной сестры. Если бы Мари – нынешняя жена моего отца – была бы президентом «всемирной ассоциации стерв», то ее дочка Марион занимала бы должность зама. Она была одной из самых популярных девочек в школе и сторонилась меня. Однажды Марион устроила грандиозную вечеринку, пока родители отсутствовали. На следующий день она разболтала всем, что я наядбедничала о ее поступке отцу и больше никаких вечеринок в нашем доме не будет. А кого подростки ненавидят больше всего на свете? Правильно, ябед! В категорию которых я угодила из-за Марион. А ведь я не просто ничего никому не рассказала о вечеринке. Я, черт возьми, помогла устранить ее последствия. Но жизнь несправедлива, это был мой первый урок.

Я встретила удар со всем достоинством, на которое только была способна: высоко подняв голову, ходила одна по коридорам новой школы, не разговаривала с сестрой и не лезла в ее компанию. Чтобы справиться с одиночеством, начала вести дневник, где изливала душу. Очень скоро вокруг меня образовался ореол загадочности. Люди сами начали подходить, знакомиться, интересоваться. Только друзей среди них я не видела.

Своего первого друга я нашла во время общей лабораторной по химии. Им стал Лео. Наш дуэт и химия оказались несовместимыми элементами в прямом смысле слова. Через десять минут после начала лабораторной из нашей колбочки повалил такой вязкий вонючий дым, что учительнице пришлось эвакуировать класс. Она в бешенстве вклепила нам по нулям и оставила на два часа после уроков. Этот факт послужил отличным началом дружбы. Лео был ниже меня ростом, с мягкими чертами лица, усеянного подростковыми прыщами, которые не прибавляли ему уверенности. У него имелась своя компашка из числа изгоев, куда входили Валентин, Габриэль и Софи. Скоро я стала частью этой компании, и меня абсолютно не волновало, что я занимаю самые низкие ступени на социальной лестнице школы. У меня были друзья, повернутые на роке, сумасшедшие и очень веселые. Они быстро научили меня всем французским ругательствам и показали клевые места в Париже. Казалось, жизнь стала налаживаться.

Мое увлечение фотографией не прошло, а, напротив, росло с каждым днем. Заметив это, папа решил сделать мне подарок. Мы отправились в магазин, где он купил сразу две камеры: винтажную пленочную и цифровую. Мы вместе выбирали объективы, сумки и прочие мелочи. Это был прекрасный день, несмотря на то что нам пришлось вернуться домой к двум мегерам. С Марион мы по-прежнему не разговариваем, с Мари обмениваемся короткими фразами. Каникулы я

провожу с мамой на Гоа. Они с Жан-Люком увлеклись буддизмом, меня эта тема тоже заинтересовала. Я продолжаю вести дневник, в котором все чаще мелькают смешные истории из жизни.

Жалею ли я о переезде? Конечно, нет. Он открыл мне глаза на многие банальные, но важные жизненные аспекты. Например, что не стоит гнаться за популярностью. Ведь неважно, сколько людей о тебе знают, если среди них нет ни одного верного друга. Так что я ни о чем не сожалею. Ведь теперь я живу в самом прекрасном городе мира, который меня вдохновляет. Недавно даже захотелось написать книгу, взяв за основу свою жизнь. Напечатав пару листов, я поняла, что на данный момент это и есть вся моя история. Что ж, негусто... Творчество было на время отложено, документ переименован в «Сумасшедшую историю» и сохранен на жестком диске наряду с прочей чушью, которую я иногда набрасываю. Но однажды я напишу автобиографию или подростковый роман, опишу в нем свой Париж, любимые кафе и улочки, придумаю идеального парня, в которого вместе со мной влюбится каждая девушка, открывшая эту книгу...

«Дзинь», – эсэмэска от Алекса вырывает меня из водоворота мыслей. Он пишет: «Внизу через 10 мин.». «Бегу, братишка», – думаю я, отмахиваясь от воспоминаний и на ходу натягивая чистую футболку.

Алекс, как всегда, опаздывает. Я хожу взад-вперед, подняв голову к солнышку. Погода на удивление хорошая. По-

сле недели серости и дождей солнце все-таки навестило Париж. Мама вернулась в свой родной город, впервые за пять лет. Видимо, Алекс решил не упускать возможности провести с ней время, пока ей вновь не взбрело в голову уехать далеко-далеко. Однажды я спросила ее, почему она так долго избегала поездки сюда, и она честно призналась, что всю жизнь мечтала жить в другом месте. Мне это кажется странным. Глядя на потрясающую архитектуру старинных зданий, маленькие улочки с уютными ресторанчиками, Сену и влюбленных туристов, я чувствую себя дома. Весна и Париж – лучшая комбинация. Я ощущаю вдохновение и прилив сил, душа поет. Но стоит отметить, что я люблю этот город любым: серым и дождливым, солнечным и душным. Любовь к нему бьется глубоко в моем сердце независимо от его состояния.

У обочины останавливается новенький спортивный кабриолет. Алекс сигналист, еще больше привлекая внимание прохожих. Затем он театрально и очень забавно снимает солнцезащитные очки и произносит наигранным басом:

– Мадемуазель, вы прекрасны. Разрешите пригласить вас на ужин.

– Придурок, – улыбаюсь я в ответ.

Прыгаю на переднее сиденье и сразу пристегиваюсь, хорошо помня последнюю поездку, когда полицейский влепил Алексу штраф не только за превышение скорости, но и за непристегнутый ремень.

– Ты слишком милая для стервочки, – сообщает он и улыбается во весь рот.

Говорят, мы очень похожи. У нас большие голубые глаза и светлые волосы. Оба пошли в маму, а она невероятной красоты женщина. Интересно, моя улыбка столь же заразительна, как его? Эти ямочки, смешинки вокруг глаз есть и у меня, но выглядят ли они так же привлекательно? Алекс – красавец. Куда бы он ни пошел, что бы ни сделал, красавчиком его зовут абсолютно везде. Он умеет располагать к себе людей. Compliments, шутки и мальчишеское обаяние никому не оставят шансов. В тридцать лет он выглядит как успешный мужчина в расцвете сил. И я не могу не улыбаться ему в ответ, это просто невозможно. Если Александр смотрит на тебя с улыбкой, уголки твоих губ сами начинают приподниматься, пока не заулыбаешься во весь рот.

– Мама ждет нас, – весело заявляет он.

– А из-за тебя мы, как всегда, опаздываем.

– На ужин невозможно опоздать, Эль.

Он набирает скорость, подрезает других водителей на поворотах. В общем, как обычно, делает что хочет. Через пятнадцать минут мы паркуем машину за кабриолетом ярко-красного цвета.

– Спорю на что угодно: этот выпендрейж на колесах принадлежит нашей матери, – весело заявляет мой несносный брат.

– Определенно, так оно и есть!

На входе нас встречает хостес – красивая мулатка в черной тунике. Ее спина и плечо открыты, и мне хочется закатить глаза, глядя, как меняется выражение лица Алекса. Его взгляд становится заинтересованным, а губы приподнимаются в плутовской усмешке. Я толкаю его в бок, возвращая на землю, и шепчу:

– Даже не думай, пожалей мою детскую психику!

– Ты выросла с нашей мамой, тебе уже ничего не грозит, – отвечает он с наглой ухмылкой.

В ресторане роскошный интерьер, выдержанный в пышном аристократическом стиле. Здесь все подобрано со вкусом, каждая деталь на своем месте. Официанты одеты с иголочки. Приглушенный свет создает располагающую к общению интимную атмосферу. Идеальное место для ужина с моей мамой. Увидев нас, она выходит из-за стола. На ее лице широкая улыбка, такая родная. Алекс обнимает маму, целуя в обе щеки.

– Маман, выглядите превосходно, – заявляет он.

Она в ответ заключает нас в крепкие объятия, после чего мы все устраиваемся за столом.

Следующие полчаса она без умолку рассказывает о новых проектах гениальнейшего Жан-Люка. Мы с Алексом уже косимся друг на друга, пряча улыбки. В какой-то момент она понимает, что увлеклась, начинает смеяться и обещает держать себя в руках, подливает вина в бокалы, в том числе и

в мой.

– А как дела у моих детей?

Алекс бросает взгляд на часы и медлит.

– Эль, начинай ты, – просит он, хмуря брови.

– Ты кого-то ждешь? – интересуюсь я.

– Извините за опоздание, – неожиданно за спиной звучит знакомый голос папы. Он торопливо приветствует каждого и занимает место рядом с мамой.

Мы с мамой удивленно смотрим на него, потому что не ожидали увидеть его здесь. Папа берет в руки меню, но не успевает его открыть. Его внимание привлекает бокал вина, стоящий передо мной. Мама, заметив направление его взгляда, действует на опережение.

– Антуан, не будь занудой! Мы с тобой перепробовали весь существующий алкоголь еще до совершеннолетия.

Его карие глаза устремляются на нее.

– Bravo, Луиза! Какой пример: ты и воспитание детей...

Она вновь не дает ему договорить, приподняв руку, усеянную несметным количеством колец, и высокомерно заявляет:

– Я не люблю врать. Ни себе, ни своим детям. Уж какая есть.

В ее голосе столько надменности, что у отца начинает краснеть шея: явный признак того, что он злится.

Алекс устало трет переносицу, я обреченно смотрю на своих родителей.

– Только не начинайте! – прошу я, глядя то на одного, то на другого.

Мама довольно кивает, ведь последнее слово осталось за ней, а папа раздраженно поджимает губы.

– Я вообще думала, что мы поужинаем втроем, – сообщает Луиза и, косо поглядывая на бывшего мужа, интересуется: – Решил испортить мне вечер?

Обыденный тон и сам вопрос заставляют всех улыбнуться. Папа издает короткий смешок, мамины губы тоже расплываются в улыбке, а мы с Алексом просто палимся на них. Мне так хочется встать и сказать: «Дамы и господа! Эти люди были женаты. Дважды. Поймите их правильно».

Алекс решает прояснить ситуацию:

– Я попросил отца присоединиться. Мне хотелось, чтобы вся семья была в сборе, так как у меня есть важная новость.

Мама с ужасом смотрит на Алекса и, схватившись за сердце, произносит:

– От тебя кто-то залетел?!

Она произносит это очень громко. Думаю, даже повара на кухне ее услышали. Алекс немного смущается.

– Я определенно планировал преподнести эту новость иными словами... – Он поднимает растерянный взгляд на маму, будто не веря, что секунду назад она произнесла вслух то, что он сам собирался сказать.

– О господи! – вопит она. – Я слишком молода, чтобы становиться бабушкой!

Я все еще жду момента, когда Алекс звонко рассмеется и скажет, что это шутка. Но этого не происходит. Папа забирает у мамы бокал и залпом опустошает его.

– Кто? – серьезно спрашивает он, глядя Алексу в глаза.

– Мано, – отвечает мой брат, не пряча взгляда.

– Я думала, вы расстались, – говорит мама с упреком.

Я знала, что Мано ей не нравится, но знала и то, что это не показатель. На свете не найдется ни одной девушки, которую она одобрила бы.

– А вы были женаты... дважды, – защищается Алекс.

Папа улыбается:

– Туше!

Глядя на возмущенное лицо мамы, которая не знает, что ответить, он начинает смеяться. Я заражаюсь его смехом, как и Алекс. В конце концов мама тоже сдается и начинает смеяться. Напряжение спадает, неловкость улетучивается, и я кладу голову на плечо брату:

– Значит, скоро я стану тетей и буду тискать мини-Алекса.

Он благодарно треплет меня по макушке. Я поднимаю голову и, видя выражение его лица, понимаю, что он не закончил с новостями. Почему-то мне становится не по себе от серьезности тона, который звучит взросло, не в стиле Алекса.

– Я сделаю ей предложение в эти выходные. Уже купил кольцо. Знаю: так будет правильно.

Если раньше атмосфера казалась напряженной, то после этих слов появляется ощущение, что за столиком нечем ды-

шать. Выражение лица мамы меняется с шокированного на дьявольски злое. Она еле справляется с эмоциями, затем, махнув рукой, ласково смотрит на сына и произносит:

– Алекс, детка, мы живем в современном мире, в котором никого ничем не удивишь. Ты не обязан заковывать себя в кандалы!

Алекс не выдерживает и закатывает глаза:

– Не драматизируй, мама!

Это было фатальной ошибкой. От ее милого тона не остается и следа, она строго смотрит на сына и, не скрывая возмущения, говорит:

– Я? Напомни мне, как вы познакомились.

Он устало трет переносицу, понимая, что не стоило переходить эту грань. Однако пути назад нет, теперь придется иметь с ней дело.

– Мано – лучшая подруга Стеллы Делион. Мы познакомились три года назад на благотворительном вечере Эдит Делион.

Мама со знанием дела кивает.

– Она воспользовалась дружбой с девчонкой Делион, чтобы пробраться в наш круг! У нее изначально был план найти идиота и захомутать его! Слушай внимательно: ты *не должен* жениться на ней.

– Нет, я должен. – В голосе Алекса слышится несвойственное ему раздражение, но мама будто ничего не слышит и продолжает причитать:

– Господи, за что мне это?! Мой сын попал в лапы... Интересно знать, почему ты не взглянул на ту же Стеллу? Я бы с большой радостью породнилась с внучкой милейшей Эдит! Дай угадаю: с Мано все было проще, да? Она сама за тобой бегала?

– Какая разница, Мано или Стелла?! Ты ведь ни об одной из них ничего не знаешь. Как так можно судить?

– Я вчера была на открытии галереи и встретила Евгению с сыном Пьером. Он кузен Стеллы, очень воспитанный, галантный молодой человек. И рядом с ним была девушка под стать ему.

– Мама, ты себя слышишь? Увидела кузена Стеллы? У нее их два. Видела бы ты второго – посмотрел бы я на твою реакцию.

– Ты о Рафаэле? Представь себе, видела! Я же сказала: сейчас никого ничем не удивишь, и ему идет образ плохиша. Кстати, рядом с ним была безумно красивая девушка, а мой сын собирается жениться на какой-то Мано!

– Так, тише, Луиза, ты не в театре выступаешь, и «Тони» тебе не вручат, – останавливает ее Антуан. Алекс смотрит на отца с искренней благодарностью. Но заткнуть мою мать не так-то просто.

– Я знаю, что такое брак и какая это ответственность! Поверь мне, ты не готов к такому образу жизни!

За столом повисает тишина. Видно, что папа согласен с ней, на какую-то долю даже я согласна с ее высказыванием.

В конце концов, полчаса назад он строил глазки хостес. Но что-то во взгляде брата настораживает меня.

Он отпивает вино и тихо, но твердо произносит:

– У меня будет ребенок, и я буду вместе с Мано его воспитывать. В моих детских воспоминаниях нет ни тебя, ни папы. Только мамы и папы². Я хочу видеть, как растет мой ребенок. Я хочу, чтобы у него была полноценная семья.

Атмосфера за столом становится совсем тяжелой. Мама, не веря своим ушам, смотрит во все глаза на своего сына. У нее такой взгляд, словно он только что вонзил ей в спину нож. Она судорожно вздыхает, но ничего не говорит, лишь аккуратно стирает накопившиеся в уголках глаз слезы. Папа берет ее за руку.

– Нам было по двадцать два года, Алекс. На тот момент я только получил степень магистра, в бизнесе ничего не смыслил, в жизни тоже. Мы старались как могли. Я получил в наследство фирму с кучей долгов, и ты прекрасно знаешь, сколько усилий стоило поставить ее на ноги. Мы не являемся примером идеальных родителей, но мы сделали все, чтобы ты ни в чем не нуждался. Извини, если ради этого пришлось много работать, вместо того чтобы играть с тобой в прятки. Но ты уже давно вырос. Так что подотри свои сопли, и чтобы больше я никогда подобного не слышал в свой адрес. Ясно?

Я всегда восхищалась характером отца, хотя многие назы-

² Бабушка и дедушка.

вают его черствым. Я же считаю его прямолинейным и честным. Он никогда не пожалеет нытика, напротив, вставит за нытье по полной программе. Сейчас мне показалось, что он перегибает палку. Возможно, так на него действуют слезы Луизы, которые она украдкой вытирает. Однако, взглянув на Алекса и увидев, как он опускает голову, я отчаянно хочу, чтобы его поняли, и говорю:

– Вам было по двадцать два, а ему тридцать. Вы только начинали работать, а он уже сделал карьеру. Ты сам хвастался, что последние прибыльные сделки – его рук дело.

Это действительно так и было. Несмотря на свою несерьезность, Алекс любил зарабатывать деньги. Однажды я спросила Антуана, как он может доверять такому несерьезному оболтусу. А он мне ответил: если Алекс знает, что получит со сделки хорошие проценты, он не будет ни спать, ни есть, пока не заполучит ее. Алекс сам говорил, что это чистый азарт, его работа – словно игра. Я тогда подумала, что зарабатывать миллионы играючи может только он, и никто другой. Но какая разница как? Главное – результат.

Родители смотрят на меня уставшим взглядом, как на ничего не понимающего подростка, но я заставляю себя продолжить:

– Он ни в коем случае не упрекает вас. Я считаю несправедливым то, как вы восприняли сказанные им слова. Папа, ты хотел поднять свой бизнес и делал то, что считал нужным. Александр хочет воспитывать своего ребенка и жениться на

Мано. Мы не должны задавать лишних вопросов и переживать, как это будет, потому что, повторяюсь, ему тридцать лет, он большой мальчик, с соплями давно справляется сам и со своей жизнью справится! Мы как семья должны поддержать его, а не лить слезы и указывать, что делать! Не могу поверить, что все так эгоистичны! Я люблю вас, но его я люблю больше и покусая вас, если вы еще раз его обидите!

Папа и мама переглядываются, будто пытаются в кои-то веки выработать общую стратегию, но видно, что моя речь застала их врасплох. Алекс недолго думая хватает меня и крепко обнимает.

– Эстель-Элеонор дю Монреаль, ты самая умная, мудрая, здравомыслящая сестра на планете! И я тоже люблю тебя сильнее этих двух эгоистов, сидящих напротив! – весело скандирует братец, и я начинаю хохотать вместе с ним.

– Дети воспитывают родителей, – бормочет папа, но, видя, как мы обнимаемся, улыбается.

Мама поправляет свои светлые волосы, словно обдумывает что-то, поднимает взгляд к потолку, затем резко опускает и, глядя на нас двоих, решительно произносит:

– Организацию свадьбы я беру на себя. Это будет самая шикарная свадьба века! И скажи своей безвкусной девице, чтобы не мешала мне! – Ее глаза стреляют молниями.

– Твоей девице повезло, что ее тут нет, – шепчу я Алексу, копируя мамин безумный взгляд.

Мои глаза словно вот-вот вывалятся из глазниц, но я ста-

раюсь как могу. Видимо, это чертовски смешно выглядит со стороны, потому что он начинает громко и истерично ржать. Пытается что-то ответить, но приступ смеха не позволяет ему это сделать. Поэтому он издает до ужаса нелепые звуки. Глядя на его жалкие попытки и на то, как он согнулся от смеха, мы все тоже начинаем смеяться.

Первой успокаивается мама и со всей серьезностью заявляет:

– Я не шучу, это будет свадьба века.

Ни у кого из нас не остается сомнений, что так все и будет. Ни когда Луиза Форестье смотрит на нас особенным взглядом, ни когда отец бледнеет от понимания, кому придется оплачивать эту свадьбу.

– У меня сумасшедшая семья, – все еще трясась от смеха, заключает Алекс.

И я полностью с ним согласна. Самая сумасшедшая и самая любимая.

Глава 2

Я жду Софи на выходе со станции École Militaire. Она живет в 16-м округе и каждое утро ездит в школу на метро. Это стало нашим утренним ритуалом: я терпеливо стою под вывеской «Метро», затем мы вместе направляемся в сторону авеню де Лабурдонне, где находится наша школа Фидес.

Привыкнуть к французской школе было довольно сложно, особенно учитывая, что это мой последний год в общей системе. Два последних, выпускных, класса у них делятся на три категории.

Я до мозга костей гуманитарий и через месяц поняла, что ни S (научный), ни Ес (экономический) мне в следующем году не светят. Зато благодаря языковым навыкам и любви к книгам L (литературный) подходит мне идеально. Вся наша компания не блещет умом, как выражается классная и по совместительству преподаватель химии. Другими словами, мы – гуманитарии. Так что, если мальчиков не оставят на второй год, что с их успеваемостью реально, в следующем году мы все вновь будем учиться в одном классе.

– Ты сделала домашку по математике? – невинно интересуется Софи. Она прекрасно знает, что за домашнюю работу по математике отвечает мой папа.

– Конечно. Антуан, как всегда, гениален. Он уже не пытается объяснить мне урок, а просто решает за меня задачи.

Спишешь на английском.

Софи с благодарностью кивает:

– Как твоя мама? Все еще пытается взять в аренду тот дорогущий отель?

Я улыбаюсь:

– Не пытается, она взяла его.

– Не может быть! – восклицает подруга. – А ну расскажи подробнее!

– Она задействовала все свои связи, в итоге директор Hôtel de Paris сам позвонил ей, извинился, предложил компенсацию и сказал, что он и персонал будут счастливы в разгар сезона отдать отель на неделю в ее полное распоряжение. Особенно по такому поводу, как свадьба сына!

Софи недоверчиво качает головой, ее губы расплываются в улыбке.

– Твоя мама – чудо-женщина! Не могу поверить, что она арендовала целый отель, и не где-то в глуши, а в самом пафосном месте мира – в Монако!

– Да, если бы она пошла в политику, то была бы уже первой женщиной – президентом Франции, клянусь. У нее неиссякаемая энергия.

– Значит, темой свадьбы остается «Великий Гэтсби»? Прекрасные двадцатые годы, ар-деко и все прочее?

– У меня уже есть эскиз платья. Не поверишь, она позвала самому Карлу Лагерфельду.

– Не может быть, – повторяет Софи с круглыми, как блю-

ца, глазами, и я заливаюсь смехом.

– Может!

– А Марион в курсе? Скажи, что нет, и я смогу увидеть выражение ее лица, когда она услышит эту новость.

– Извини, Соф, меня вчера распирало от такого же желания, и я как бы невзначай бросила: «Мар, знаешь, сам мэтр Карл Лагерфельд нарисовал мне платье». Она убежала к своей мамочке со слезами на глазах. Я не шучу!

– Кто вчера ревел и почему? – спрашивает у нас за спиной Лео.

Мы разворачиваемся, и он целует нас по очереди. У него очень красивые глаза, зеленые, в золотую крапинку, с закрученными ресницами. В целом черты его лица гармоничны. Если бы не проблемная кожа и низкий рост, он мог бы быть очень даже ничего, особенно когда улыбается и его лицо преобразается.

– Моя сводная сестрица, – отвечаю я.

Он закатывает глаза:

– Тяжело жить истеричкам! Лей себе слезы по поводу и без.

Мы с Софи смеемся. К нам подходят Валентин и Габриэль.

– Если вам есть чем нас повеселить, валяйте. Наше двойное свидание было ужасным, – вместо приветствия говорит Вал. Он выше меня на голову и довольно крупный малый, его смуглая кожа переливается на солнце, а карие глаза смотрят

с надеждой.

– Почему? – говорит Софи не без интереса в голосе и явно испытывая облегчение.

Я слегка толкаю ее в бок. Она хмурится и в ответ наступая мне на ногу.

«Да-да, Софи, я знаю твой маленький секрет».

– Скажем, девчонки оказались отстойными. Кто в пятнадцать лет считает калории в мороженом?

– Забудь как страшный сон, – хохочет Софи и пытается пригладить у него на голове упрямую прядь, торчащую словно антенна.

Его кучерявые волосы топорщатся в разные стороны, поэтому поправлять их – бессмысленное дело. Но она касается Валентина при любой возможности, а ему нравится, когда она это делает. Он всегда отвечает ей искренней, благодарной улыбкой.

– Есть хорошие новости! Мама разрешила мне пригласить друзей на свадьбу. Так что... – Я достаю из сумки приглашения, полученные от матери утром.

Они нежно-розовые, с красивыми акварельными цветами, а посередине с тонкой золотой рамкой, внутри которой написано: «Александр-Антуан дю Монреаль и Мано Эскалапез счастливы сообщить вам, что торжество в честь их свадьбы будет происходить 22 июня в Hôtel de Paris по адресу: Моннако, Монте-Карло».

– Папа сказал, что купит нам билеты на самолет до Ниццы,

а оттуда мы полетим в Монако на вертолете!

Ребята начинают радостно вопить, мы обнимаемся.

– Если бы я знала, что свадьба Алекса будет сулить мне недельные каникулы на море с лучшими друзьями, я бы сама ему невесту искала, – шучу я, и мы все смеемся.

– Сватовство от Эль, – декламирует Габриэль.

С приходом весны веснушек на его лице стало больше, а непослушная рыжая челка, как обычно, падает на глаза. Он не так давно начал пользоваться гелем и прилизывать ее набок. Это выглядит отвратительно, но никому не хватает смелости, глядя в его добрые серые глаза, сказать об этом.

– Лучше помоги *мне* найти девушку. Я должен познать секс до шестнадцати лет, у меня остался месяц, – удрученно вставляет Вал. – Такую, которая не питается спаржей и вареной цветной капустой, – со смешком добавляет он.

Как же я их люблю! Они не стесняются себя и не придумывают того, чего не было, не боятся быть собой и принимать других такими, какие они есть. Я смотрю на миниатюрную Софи с ее смешным каре. Ее щеки пылают: вероятно, она только что представила кое-какие пошлые картинки с Валентином в главной роли. Софи смущенно улыбается и грустно поджимает губы. Я подмигиваю ей и беру за руку.

– Он еще точно какое-то время побудет девственником, – успокаивающе шепчу я, и она стискивает мою руку.

Глядя на стеснительную Софи, я сильно сомневаюсь, что они с Валом подходят друг другу. Но мне так хочется приду-

мать что-нибудь, чтобы они были вместе. Нужно посоветоваться с мамой: в таких вопросах нет более надежного человека, чем Луиза Форестье. У нее есть ответы на все вопросы.

* * *

— Эль, детка, мы должны пойти на этот прием, — уговаривает меня мама. — Ты только посмотри, что происходит в мире! Разные Мано выходят замуж за таких, как Алекс, а моя дочь не появляется в свете. Нет-нет! Я с этим категорически не согласна. Пока ты сидишь дома и смотришь очередной сериал, та же Марион пользуется всеми возможностями твоего родного отца! Вот увидишь, эта девочка подцепит миллиардера и после свадьбы будет портить ему жизнь истериками. Он разведется с ней, выплатив ей солидные отпускные, а она потом найдет себе молодого жеребца и...

— Мам! — восклицаю я. — Кажется, ты пересмотрела бра- зильских сериалов. Иногда тебя несет в неизвестном направлении, вернись на землю.

Луиза закатывает глаза:

— Эль, детка, моему сыну тридцать лет, так что я уже мудрая, опытная женщина и всякое повидала за свою жизнь.

— Твоему сыну тридцать, это значит, тебе...

— Не смей произносить эти цифры вслух! Женщине после сорока следующие двадцать лет всегда сорок. Запомни это раз и навсегда!

Она говорит серьезным, поучительным тоном, свято веря в эту истину. Я не выдерживаю и начинаю хохотать.

В комнату заходит папа и, приподнимая бровь, интересуется:

– Что такое?

Заикаясь, я поднимаю на него глаза и отвечаю:

– У мамы тридцатилетний сын, а ей самой сорок!

Папа с пониманием кивает, на его лице тоже появляется широкая улыбка.

– Ах ты маленькая предательница! – возмущается мама, не переставая выбирать мне наряд.

– Пока всех кавалеров не расхватали разные мымры Мано, одевайся и пошли уже.

Я снова начинаю смеяться и не могу остановиться. Знала бы бедная Мано, что ее имя в нашем доме сродни ругательству.

– Я не шучу, – продолжает как ни в чем не бывало моя милейшая маман. – Второй раз мужчины с меньшей охотой делают столь решительный шаг, поэтому их надо хватать зелеными.

И вновь тон серьезный, проникновенный, прямо как у профессора, желающего, чтобы информацию, которой он делится, впитывали, мотали на ус и применяли на практике.

– Сумасшедшая женщина, – бормочет папа, но, встретив мамин фирменный взгляд, торопится покинуть комнату.

Я, вся красная и задыхающаяся от приступов смеха, хва-

таю ее за руку и валю на кровать, крепко обнимаю и целую в щеки.

– Пойду в следующий раз, а сегодня лучше возьмем мороженое и посмотрим что-нибудь вместе. Я так скучала.

Мама приглаживает мне волосы и, к моему удивлению, быстро соглашается. Видимо, так на нее подействовали мои обнимашки.

– Хорошо, солнце мое. Только пообещай, что на маскарад мы пойдем вместе. Можешь взять своих друзей, чтобы не было скучно.

При упоминании о друзьях я вспоминаю, что хотела узнать ее мнение.

– Мам, мне нужен совет мудрой женщины, – шучу я. – Софи влюблена в Валентина, а он относится к ней как к другу, при этом отчаянно ищет себе девушку. Как сделать так, чтобы он обратил внимание на Софи?

– Мне бы ваши проблемы, – бормочет она и потягивается. – Нужно, чтобы какой-нибудь красавчик обратил внимание на Софи, тогда Валу станет интересно, что этот парень в ней нашел. И вуаля! Он заметит в ней девушку.

– А другого способа нет? – интересуюсь я, скептически поглядывая на маму. – Понятия не имею, где найти красавчика, который обратил бы внимание на Софи, – честно признаюсь я, и она улыбается:

– В любви нет простых путей, Эль. Но иногда можно схитрить. Подсказка: красавчик не должен быть по-настоящему

влюблен в Софи. Он может быть частью плана.

Я закатываю глаза:

– О, найти красавчика, который притворится влюбленным в Софи, намного проще.

– Когда есть цель, план и средства его выполнения находят тебя сами.

– Ты слишком мудра для меня, – саркастически замечая я, а мама хмыкает. – Хорошо, что Алекс надумал жениться и тебе пришлось остаться.

– Я тоже скучала, детка. Но мне страшно представить, как там Жан-Люк справляется в одиночку.

А мне все равно, как справляется Жан-Люк. Я лежу в маминых объятиях, чувствуя аромат ее духов, и не хочу ее отпускать.

* * *

«Маскарад» – знаменитая книга Хлои Буше³. Насколько мне известно, это ее дебютный и единственный роман, переведенный более чем на двадцать языков. Существуют две его экранизации и бесконечное число театральных постановок. А сколько наград! Роман точно станет классикой, будет на слуху и через сотню лет. Хлоя – ровесница моей мамы и очень хорошая ее подруга. В честь десятилетия своего про-

³ Вымышленный автор.

изведения она решила устроить настоящий бал-маскарад.

Мы приезжаем в шато Бельвиль к восьми часам вечера. Это старинный величественный замок XII века с парком и прекрасными фонтанами. Я позвала всех своих друзей. Лео, Габриэль и Валентин сначала не особо горели желанием идти на вечеринку в честь книги пятидесятилетней тетки, но я попросила Алекса разрекламировать мероприятие. Что он и сделал, показав свои фотографии с вечеринок на Хеллоуин. Да, это не то же самое. И да, здесь не будет сексуальных кошечек и зайчиков, но все-таки это маскарад. Плюс у меня был план: я попросила маму поколдовать над Софи, и сейчас она выглядит сногшибательно в нежно-розовом платье, цвет которого идеально подчеркивает ее бархатную кожу. Ее лицо прикрывает настоящая венецианская маска серебристого цвета, в руках – коралловый клатч под цвет туфель. Даже Марион не может скрыть свое изумление при виде Софи, а это хороший знак. Я очень надеюсь, что Валентин обратит на нее внимание.

Мальчиков проинструктировал Алекс, поэтому они красуются в костюмах. Это настолько непривычная для них одежда, что невооруженным глазом видно, насколько неловко они себя в ней чувствуют. Только Вал, как всегда, с фирменной улыбочкой на лице расхаживает с гордо поднятой головой в поисках девчонок.

– Эстель-Элеонор, мне пора положить биту в багажник, – вдруг заявляет Алекс. Он смотрит на часы и хмурится: ско-

рее всего, Мано опаздывает. По неизвестной мне причине они приехали не вместе.

Я вопросительно приподнимаю бровь:

– Это еще зачем?

Алекс, словно ребенок, выпячивает нижнюю губу и грустно осматривает меня с ног до головы.

– Ты выросла и стала слишком красивой. – Его тон меняется на озорной. – А битой я буду отгонять твоих ухажеров.

– Ты у меня аристократ, поэтому твое оружие – клюшка для гольфа, – вставляет мама, хлопая Алекса по плечу, и он хмыкает.

– С клюшкой проще, она с прошлой игры томится в багажнике, – отвечает мой братишка и подмигивает мне.

Мама поправляет мои волосы. Она накрутила их на бигуди, и теперь светлые локоны волнами спадают мне на спину.

– Мам, а тебе не кажется, что разрез на платье – слишком откровенно для пятнадцатилетней девочки? Я имею в виду, что ты с ней сделала и почему она выглядит на все двадцать пять? – не унимается Алекс.

– Не завидуй, – бурчу я.

– Да, ты права, во мне говорит зависть. Я мечтаю, чтобы и меня так размалевали, но статус не позволяет. А если серьезно, какого черта, мам? Ей же всего пятнадцать, и по закону нельзя так выглядеть.

Мама стреляет в него взглядом.

– А что, только твоей Мано можно хомутать перспектив-

ных парней? – спрашивает она возмущенно.

Алекс закатывает глаза, но капитулирует. Мама знает, что и кому сказать. Он поднимает руки, давая понять, что сдается, однако смолчать не может:

– Мано не в пятнадцать лет меня захомотала. – Последнее слово он выделяет кавычками в воздухе.

– Мы тоже не собираемся, а лишь начнем выбирать уха-жеров, – поясняет маман.

Алекс громко фыркает.

Стоя дома перед зеркалом, я долго не могла оторваться от собственного отражения. Луиза купила мне черное блестящее платье с разрезом на правой ноге и темными тенями подчеркнула мои голубые глаза, отчего кажется, будто они сияют.

– Ты у меня самая красивая в мире, – шепчет она мне на ухо и передает маску, ярко-красную, под цвет туфель. Мама назвала эту комбинацию смелой, и я вижу по ее взгляду, что она более чем довольна своим выбором.

Поднявшись по широкой мраморной лестнице, перила которой украшены цветами, мы наконец заходим внутрь.

Замок полон людей, смеха, гула разговоров и неопишимо-го количества прекрасных нарядов. Я словно попала в прошлое. Антикварная мебель, хрустальные люстры, море золота и серебра в интерьере и такие же нарядные, пестрые люди вокруг. Фоном служит приятная классическая музыка, официанты в белых рубашках снуют туда-сюда с шампан-

ским и закусками. Некоторые мужчины тоже надели маски, но не все. А женщины решили воспользоваться загадочностью установленного дресс-кода: столько разнообразных масок я в жизни не видела. С перьями, камнями, на палочке – здесь можно найти на любой вкус и цвет.

– Прямо настоящий бал, – потрясенно замечает Лео.

– Как же тут красиво, – шепчет Софи.

– Да, – коротко соглашаюсь я с каждым, не в силах описать свои эмоции. Иногда слова бессильны передать то, как бьется сердце и учащается дыхание при виде красоты.

– Здесь не так много наших ровесников, – говорит Валентин. – Или по ним не видно. Те девушки не верили, что мне пятнадцать, пришлось доказывать! Я показал им свою дату рождения.

– Какие девушки? – раздраженно спрашивает Софи: мы недавно зашли, а он уже успел с кем-то познакомиться.

– Те, что стоят у огромного камина. Им по восемнадцать, и они думали, что я шучу, говоря, что мне пятнадцать.

– Дай угадаю: когда они поняли, что ты не шутишь, у них появились дела? – Из ниоткуда возникает Алекс и с ухмылкой смотрит на Валентина.

– Ну, они пошли искать подругу, – растерянно отвечает мой друг.

Алекс смеется:

– Вал, если хочешь подцепить девчонку, не доказывай, что тебе пятнадцать, и тем более не демонстрируй год свое-

го рождения. Вообще веди себя как умудренный опытом парень, которому скучна эта детская фигня. И да, с девчонками постарше можно набраться крутого опыта. Поверь: ровесницы тебе пока не нужны.

Валентин смотрит на моего брата как на божество, которое только что раскрыло ему смысл существования людей на этой планете.

Мы начинаем хохотать, глядя на выражение его лица.

– Не могу поверить, что такой элементаршине надо учить. – Алекс берет бокал с подноса и делает большой глоток. Затем я вижу, как он улыбается проходящей мимо красивой девушке, и наступаю ему на ногу.

– Какого черта, Эль, – шипит он, пытаясь вытащить свою туфлю из-под моего каблука.

– У тебя скоро свадьба, хватит улыбаться всем подряд.

Секунду он молчит, потом холодно цедит сквозь зубы:

– Не учи меня.

От неожиданности я вздрагиваю. Алекс грубо вытаскивает свою ногу из-под моей и одним глотком допивает шампанское.

– Алекс, – зову я.

Но он не реагирует и идет в противоположную сторону.

«Что это было?» – думаю я, глядя на спину удаляющегося брата.

Минут через пять мне становится не по себе. Грубить на-

столько не в духе Алекса... Даже когда я неправа, он переводит спор в шутку и обходит острые углы. Ни разу в жизни брат не сказал мне плохого слова, ведь у нас разница в пятнадцать лет. И я никогда не была для него надоедливой младшей сестренкой, скорее маленьким милым чудом. Набираю его номер, чтобы узнать, где он и, самое главное, как он, но Алекс не отвечает. Беспокойство растет. Осмотрев толпу, я решаю найти его.

– Сейчас вернусь, – говорю я Софи.

Она чувствует смену моего настроения.

– Что стряслось?

– Мне нужно найти Алекса, – отвечаю.

– Давай я помогу.

В этом вся Софи. Не задает миллион ненужных вопросов, а сразу переходит к делу. Я с благодарностью смотрю ей в глаза, и она гладит меня по руке.

– Мы найдем его, – с улыбкой говорит она.

Пытаюсь себя успокоить, ведь ничего страшного не случилось, Алекс всего лишь нагрубил. Но на душе неспокойно. Не знаю почему, но я уверена, что с Алексом творится неладное. Возможно, ему надо помочь...

Мы с Софи расходимся в разные стороны, и я стискиваю в руке телефон. Надеюсь, что он перезвонит. Людей слишком много. Если бы я была в плохом настроении, захотела бы уединиться. С такими мыслями я поднимаюсь на второй этаж и сворачиваю в первый из многочисленных коридоров.

Здесь действительно тише и менеелюдно. Продолжаю идти, поворачивая то вправо, то влево. До тех пор, пока не вижу Мано в лестничном пролете. Очевидно, это аварийный выход.

– Я беременна, мне было плохо. А ты злишься! – очень громко кричит она, и я замираю на месте.

Со мной она всегда говорила елейным голоском, я и представить не могла, что у нее хватит сил на такой ор.

– Мано, не придумывай для меня правила. Я не собачонка, которой нужна дрессура.

Алекс в бешенстве. Не вижу его, но слышу в голосе гнев. Лишь однажды я была свидетелем подобной вспышки и знаю, что потом он долго жалел о сказанном.

Мне бы развернуться и уйти, но не могу: отчаянно хочется понять, что происходит между ними. Поэтому остаюсь и прячусь за колонну в коридоре.

– Дрессура? – с издевкой переспрашивает Мано. – Просить своего жениха не заигрывать с другими теперь называется чертовой дрессурой?!

Я закрываю глаза, и мне становится ее жаль. Я частенько бываю свидетелем его не совсем приличных взглядов и не представляю, как ощущала бы себя, если бы мой будущий муж так смотрел направо и налево.

– Не придумывай того, чего нет. Меня достала твоя ревность! Ты долбаная истеричка! – орет он.

Я закрываю рот рукой, потому что не знаю, смогу ли по-

давить вскрик. «Это не мой брат», – проносится у меня в голове. Мне становится тошно. Ведь Алекс для меня – герой, человек, умеющий шуткой спасти любую ситуацию, парень со смеющимися глазами и нежным взглядом. Неужели я так плохо его знаю?

– Конечно, так проще: я истеричка, а ты святой... – И вдруг она громко вскрикивает: – Ай!

До меня доносятся звуки возни, потом голос Алекса:

– Я держу тебя. – Он звучит устало и пристыженно.

– Мне бывает страшно оставаться дома одной, Алекс. Почему ты не хочешь, чтобы я переехала к тебе прямо сейчас? – Она почти скулит, задавая этот вопрос.

Алекс издает громкий протяжный вздох. Резкая смена темы его явно не радует.

– Я хочу, но моя квартира – берлога холостяка, ты же знаешь. Я просто не представляю, как ты будешь в ней жить.

– Да? А то, что я одна, беременная твоим ребенком и без всякой помощи, не проблема? – Горечь в ее голосе расстраивает меня.

– Мано, – цедит сквозь зубы Алекс, на него не действует тон подруги, – наша свадьба не за горами, после нее и передеешь ко мне. Понимаю, тебе не терпится, – язвительно произносит он, – но, поверь, я никуда не денусь. Черт побери, я скоро женюсь на тебе!

В его голосе столько безысходности. Интересно, она ее слышит?

– Ну да, ты доживаешь последние недели на свободе, заглядывая под каждую юбку, – продолжает давить Мано.

Я понимаю ее злость, но мне так хочется защитить своего брата, что я еле сдерживаюсь, чтобы не закричать на весь коридор: «Заткнись!»

– Не обижайся, Мано, – неожиданно тихо говорит Алекс, и мне становится больно из-за тона его голоса.

– Ты просто не хочешь впускать меня, – устало говорит Мано.

На лестнице раздаются шум шагов и смешки.

– Пошли в коридор, вызовем лифт. Я не смогу спуститься по лестнице.

Он соглашается с ней, и до меня доносятся звуки их удаляющихся шагов, затем лифта. Я опускаюсь на пол, пытаюсь молча обдумать услышанное. Мано сказала, что он не хочет впускать ее, а я не знаю, что она имела в виду. Но одно знаю точно: мой брат ее не любит. И не понимаю, зачем он на ней женится. Ее крик и слово «беременная» проносятся в моей голове, вызывая желание биться о стену. Неужели она действительно поймала Алекса? Но потом я вспоминаю, как он говорил с ней, орал и грубил, называя истеричкой. И мне становится ее жаль. Ведь ни одна женщина, тем более беременная, не заслуживает такого отношения со стороны любимого человека.

Я пребываю в раздумьях несколько минут. Мое настроение не просто испорчено – я подавлена. Первый раз в жизни

не знаю, как помочь родному человеку. С осознанием этого приходят злость на себя и обида на окружающий мир.

Телефон в моей руке оповещает о новом сообщении, вырывая из водоворота мыслей: очередная реклама нового шоурума. Я тут же вспоминаю про бедную Софи, которая, вместо того чтобы наслаждаться вечером, проводит его в поисках Алекса.

«Соф, я нашла его», – пишу короткое послание. Она сразу отвечает: «Супер! Жду тебя у огромного камина». Я встаю и направляюсь к лифту, спускаюсь на первый этаж. Праздник в разгаре. Фокусники, иллюзионисты, акробаты – кого здесь только нет, чтобы удивить толпу. Вижу Софи в условленном месте и быстрым шагом направляюсь к ней. Она грустна. Проследив за ее взглядом, вижу Валентина. Он, следуя советам персонального божества, клеится к девочкам постарше. Но я настолько выбита из колеи, что не нахожу для Софи слов утешения. Полчаса мы молча следим за его попытками, потом Габриэль зовет Софи танцевать. Она грустно улыбается ему и соглашается. Мне хочется стукнуть Валентина за беспросветную тупость, а еще врезать Алексу.

– Чертов советчик, – бормочу я себе под нос.

Вал идет с девчоночкой под руку развязной походкой, как долбаный бэд-бой из фильма для девочек.

– Я убью его, – громко шиплю я, не в силах сдержать порыв.

– Надеюсь, он заслуживает такой участи, – отвечает мне

мужской голос.

Не скрывая удивления, резко оборачиваюсь.

В метре от меня стоит парень без маски, непослушная каштановая челка падает на глаза. Он пристально смотрит на меня. Светло-карие глаза против моих голубых. Кто первый смутится и отвернется? Никто. Медовые, с оттенками золота глаза изучающе вглядываются в мои, словно гипнотизируют. Со мной такое впервые: не могу перестать смотреть в глаза другого человека. Они такие красивые и... загадочные. В душе появляются незнакомые ранее трепет и тепло. Вокруг царят веселье, песни и танцы, шампанское льется рекой. А этот парень будто не отсюда. Есть в нем что-то странное. Ему грустно. И это не плохое настроение, а нечто сильнее и глубже. Печальная душевная меланхолия. И она прекрасна. В его взгляде я будто вижу отражение собственных чувств. Только его грусть в разы сильнее и глубже.

– У тебя все в порядке? – вдруг спрашивает он, неловко пряча глаза.

Интересно, что смутило его в моем взгляде? Неужели я не смогла скрыть всю гамму чувств, которые он во мне вызвал?

– У меня? – переспрашиваю неуверенно.

Может, это глупо, но я сама не своя. Что-то во мне при виде него перевернулось и взорвалось фейерверком.

Он подходит ближе, становится прямо напротив, и я замечаю, что он такой же высокий, как Алекс, мысли о котором меня расстраивают.

– Все хорошо? – Он вновь заглядывает мне в глаза в поисках ответа, а мое сердце начинает биться быстрее.

Я чувствую ком в горле. Не могу собраться. Думаю, мой растерянный вид говорит сам за себя. Шепотом отвечаю:

– Бывало и лучше.

Он молча кивает, и вдруг мне становится неловко. Я отворачиваюсь. Делаю вид, что наблюдаю за танцами. Не зная, что сказать, мы молчим. Не шевелимся и смотрим куда угодно, только не друг на друга.

– Тебе очень идет маска, – неожиданно нарушив тишину, говорит он.

– Они всем идут, – глупо бормочу в ответ и прикусываю нижнюю губу.

Я всегда думала, что спокойно воспринимаю комплименты, но до этого времени мне, пожалуй, их делали только родные. Когда похвала звучит из уст красивого парня, который стоит так близко к тебе, что ваши плечи соприкасаются, то сердце от волнения готово выпрыгнуть из груди, а голова перестает соображать. Все внимание поглощает его запах, резковатый мужской одеколон. Это единственное, о чем я сейчас думаю. Мне хочется провалиться сквозь землю.

– Не всем, – медленно отвечает он, – твоя подчеркивает глаза, а еще она под цвет губ. – Он замолкает, а после шепотом добавляет: – А губы и глаза у тебя очень красивые.

Я не красила губы, они красные от природы... И он сказал, что они красивые... Я готова упасть в обморок, но вме-

сто этого издаю нервный смешок. Чтобы скрыть волнение, насмешливо заявляю:

– Тебе просто повезло: ты моего носа не видел.

Он качает головой:

– Искренне надеюсь, что с ним все в порядке.

Я поворачиваюсь и натываюсь на его любопытный взгляд. У него на губах появляется легкая усмешка, но, когда наши глаза встречаются, выражение его лица становится серьезным.

– Я могу тебе помочь? – спрашивает он, а я опускаю взгляд на его шею.

На нем белоснежная рубашка, верхние пуговицы расстегнуты. Почему я раньше не замечала, что мужская шея может быть красивой?

Затем мой взгляд приковывает идеально пошитый пиджак, подчеркивающий широкие плечи. Он явно старше меня: в пятнадцать лет не бывает таких развитых физических форм. И у него очень добрый, отзывчивый, внимательный взгляд. «Он похож на рыцаря», – мелькает в моей голове, и уголки губ приподнимаются в улыбке, настолько мне самой смешны собственные мысли. Рыцарь... Серьезно, Эль?

К нам подходит Софи, она раздражена.

– Ты только посмотри на этого идиота! Ненавижу! – почти в сердцах выкрикивает она, не замечая моего спутника.

А в моей голове мгновенно появляется безумная идея. Передо мной стоит красавчик и учтиво интересуется, нужна

ли мне помощь. Пора реализовать гениальнейший план, который однажды вечером озвучила моя любимая мамочка.

На мне маска, и он толком не знает, как я выгляжу. Это успокаивает, анонимность прибавляет смелости. Понимаю, что моя просьба может прозвучать смешно и нелепо и в конце концов он может сказать «нет». Но вдруг он ответит «да»? Тогда появится шанс! А если я не спрошу, ничего не изменится. Я улыбаюсь своей лучшей улыбкой.

– Мне действительно нужна помощь, – чуть ли не мурлыча, произношу я, и мой голос оживает, в нем искрится предложение.

Он недоверчиво поглядывает на меня, словно пытается прочесть, что творится у меня в голове, и я вижу, как в нем загорается любопытство.

– Как тебя зовут? – спрашивает он.

Я уже почти готова произнести привычное «Эль», но Эль никогда не набралась бы смелости сделать то, что собираюсь сделать я. Немного замаявшись, представляюсь:

– Луиза.

Софи смотрит на меня с недоумением, и мне хочется, чтобы она перестала так себя вести. Ведь ее взгляд кричит: «Эта сумасшедшая только что назвала себя именем своей не менее сумасшедшей маман!»

Парень напротив меня серьезно кивает и произносит:

– Квантан.

Я читала, что в древности люди скрывали свои имена, ве-

ря, что имя человека несет тайну, которой можно делиться лишь с близкими и родными. Не дай бог враги прознают твое настоящее имя! Разумеется, это предрассудки. Но, услышав его имя, я начинаю понимать, как сильна магия имен. Две секунды назад он был просто незнакомым парнем, и я думала о нем в третьем лице, используя местоимение «он». Теперь он стал Квантаном, и мое сердце забилося с бешеной скоростью, оттого что я наконец знаю его имя. Моего рыцаря зовут Квантан. Я подавляю смехок, готовый сорваться с губ.

Я думала, будет сложно объяснить, что именно от него требуется. Но во время моего монолога Квантан кивает, иногда удивленно приподнимает брови, порой хмурится и в конце концов громко хохочет. С Софи дело обстоит иначе: она бледнеет, зеленеет, краснеет и, не выдержав, называет меня ненормальной.

– Значит, я должен ухаживать за твоей подругой и делать это так, чтобы тот парень с кучерявой шевелюрой задался вопросом: что такой чувак забыл рядом с Софи? – с сарказмом уточняет Квантан, и в его глазах сверкают смешинки.

Думаю, он использовал слово «чувак», решив, что Вал так и скажет. И он абсолютно прав.

Софи вновь бледнеет.

– Только через мой труп, – зло заявляет она, и я устало вздыхаю:

– Соф, этот план может сработать. А бездействие ничего не изменит!

Квантан цокает языком:

– С этим я, пожалуй, соглашусь. Но, может, и тебе, Софи, нужно раскрыть глаза? А тебе, – он останавливает взгляд на мне, – не стоит лезть в дела младшей сестренки?

Софи заходится в кашле, а мое лицо вытягивается.

– Она тебе не сестра, – угадывает Квантан.

– Но я действительно старше, – зачем-то вру я.

Квантан пропускает мою ложь мимо ушей и, поглядывая в сторону Габриэля, поясняет:

– Около стенки рыжий парень. С виду неглупый, но очень стеснительный. И ты, Софи, ему определенно нравишься.

Теперь у нас обеих брови полезли на лоб от удивления. Квантан ухмыляется:

– К такому повороту вы не готовы, да? И, на мой взгляд, он гораздо надежнее, чем паренек, который явно не пользуется расческой.

Софи выглядит сбитой с толку и, недоверчиво косясь на Квантана, спрашивает:

– Откуда ты знаешь, что я ему нравлюсь?

– Я лишь замечаю детали, Соф, – добродушно начинает он, – ты стояла с поникшей головой тут, и, пока не сводила взгляда с объекта страсти, стреляя молниями во всех особей женского пола, рыжик смотрел на тебя влюбленными глазами.

Я изучаю Квантана, пытаюсь понять, не издевается ли он над нами. Но он так уверенно отвечает на мой взгляд, что

сомнений не остается: он говорит что думает.

Озорная ухмылка все еще играет на его губах, и я ловлю себя на мысли, что мне нравится, когда он так улыбается.

Софи поправляет выбившуюся прядь и смущенно говорит:

– Он пригласил меня на танец.

Квантан кивает:

– Да, и очень старался не наступать тебе на ноги, поэтому выглядел таким сосредоточенным.

– Но все равно наступил, – со смешком в голосе рассказывает Софи.

– Ты улыбнулась и отвлекла его.

– Откуда ты все это знаешь? – интересуюсь я, втайне злясь, что упустила момент, когда Габриэлю понравилась Софи.

– Все происходило прямо перед вами, – самодовольно отвечает Квантан, его глаза весело блестят. – Вероятно, мне нет нужды притворяться поклонником милой Софи, ведь у нее есть настоящий поклонник.

Моя подруга мечтательно улыбается:

– Значит, ты уверен, что я ему нравлюсь?

– Абсолютно.

– И что мне делать? – немного растерянно спрашивает она.

– Не знаю, – честно отвечает Квантан.

– Тут всего два выхода, – с умным видом начинаю я. – Ты

намекаешь Габриэлю о взаимности чувств, и вы становитесь парочкой, либо говоришь, что он твой самый лучший друг в мире, и френдзона его на веки вечные, – заканчиваю я уверенно и встречаюсь с веселым взглядом Квантана. У меня ощущение, что он еле сдерживается, чтобы не заржать в голос.

– И как же Вал? – решаю задать главный вопрос.

Мы все синхронно ищем Вала в толпе, видим, как он громко хохочет и жестикулирует, словно клоун. Очевидно, он пытается быть забавным, чтобы произвести впечатление на девушку, которая явно не знает, как от него избавиться, и стоит с удрученным видом.

Затем наше внимание переключается на Габриэля: у него до ужаса нелепый вид. Шея, уши, щеки – все красное, под цвет моих туфель. И волосы на голове так прилизаны, что череп яйцевидной формы просматривается во всем великолепии.

– Габриэль очень милый, – говорит Софи, и ее губы растягиваются в улыбке.

Я с удивлением гляжу на подругу. Этот милый рыжий месье – синьор помидор? А Софи, будто не замечая моей реакции, продолжает.

– Я чуть позже выкину его гель для волос, – заявляет она со смешком, и Квантан хмыкает:

– Да, без геля у него будет больше шансов.

– Пойду поговорю с ним. – Продолжая улыбаться, Софи

отходит от нас, а я с открытым ртом смотрю ей вслед.

– Что ты только что сделал? – спрашиваю, глядя на довольного Квантана.

– Хотелось бы верить, что помог ей принять правильное решение.

– Правильное решение?

Квантан смотрит на меня и произносит:

– Быть с человеком, который действительно этого хочет.

– Но... а как же чувства? Она год не сводила глаз с Валентина и вроде как влюблена в него.

Мой собеседник морщит нос с видом отвращения.

– Это не любовь, а временное помешательство. Знаешь, порой нам хватает осознания, что рядом есть человек, который не спускает глаз именно с нас. Этого достаточно.

– Достаточно для чего?

Квантан высматривает в толпе Софи, я следую за его взглядом. Она и Габриэль улыбаются друг другу и о чем-то весело болтают. У Габриэля такой счастливый вид, что мои губы невольно расплываются в улыбке.

– Для взаимной симпатии, которая может перерасти во влюбленность, а та, в свою очередь, стать настоящей любовью. – Он поворачивает голову и грустно продолжает: – Или ничего не случится и их дороги разойдутся. В мире существует много счастливых концов, но гораздо больше других.

– Других – значит несчастливых? – интересуюсь шепотом. Меня завораживает его голос.

Он качает головой:

– Не обязательно, просто других.

Он стоит так близко. Взгляд его карих глаз успокаивает. Они теплые, добрые, я бы даже сказала, родные.

Интересно, то, что мы оба сейчас чувствуем, называется взаимной симпатией? Он протягивает руку, красивую мужскую кисть с длинными пальцами, и, загляывая мне в лицо, спрашивает:

– Позвольте пригласить вас на танец? – Милая мальчишеская улыбка озаряет его лицо, и я не могу скрыть радости и трепета.

Моя маленькая неуверенная кисть ложится на его большую и грубоватую, и я честно признаюсь:

– Я не сильна в бальных танцах.

Он крепче сжимает мою руку, и от этого меня бросает в дрожь.

– Я поведу.

Решительно, словно давая обещание, он выводит меня в круг. Начинает играть музыка. Мелодия невероятной красоты, от нее по коже бегут мурашки. Кажется, до этого момента я не слышала ничего более пронзительного.

Одна рука Квантана схватила мою ладонь, другая на моей спине. Он крепко держит меня, и мне кажется, что никогда не отпустит. Парень притягивает меня к себе настолько близко, что видна каждая черточка его красивого лица. Мое дыхание учащается, а сердце колотится с такой фанта-

стической скоростью, как никогда прежде. Квантан кружит меня в танце под божественную музыку, и в душе расцветает неведомое чувство, очень похожее на вдохновение и восхищение. Голова идет кругом от сильного, чрезвычайно глубокого душевного порыва. Но я не боюсь упасть, сделать ошибку или оступиться. Рядом с ним чувствую себя в полной безопасности и под защитой.

Квантан похож на доблестного рыцаря. И я хочу, чтобы этот танец никогда не заканчивался. Мелодия завораживает меня, проникает в душу и играет на ее струнах. Скрипка – немного грустная, меланхоличная, но в то же время воодушевляющая, воспламеняющая, окрыляющая. Я закрываю глаза, полностью отдаваясь моменту, окончательно пропадая в музыке и его сильных руках. Еще один круг, еще один миг... Чувствую себя той самой скрипкой в умелых руках мастера. То, как он танцует, ощущение его рук, запах и исходящее от него тепло – сущее волшебство. Я кладу голову ему на плечо, открываю глаза, и мои губы оказываются в сантиметре от его шеи. У меня такое чувство, будто я дышу им. Поднимаю глаза и только сейчас замечаю его взгляд: глубокий и проникновенный, в нем столько чувства и пламени. В его глазах я вижу отражение собственных эмоций. «Разве такое бывает?» – проносится в голове. «В жизни бывает все», – тихо отвечает мне сердце, и, если бы не маска, я провела бы носом вдоль его шеи, вдыхая его запах вместо кислорода.

Музыка внезапно обрывается, разрушая воздушные стены фантазии. Спустя какое-то время я узнаю, что это была композиция «Forbidden Love» Абея Коженевского, и подумую, что само ее название – «Запретная любовь» – было пророческим. Но это будет потом. А сейчас я смотрю ему в глаза и внутри меня все переворачивается, дрожит. Его медово-золотые глаза всматриваются в мои с таким интересом и такой гаммой чувств, будто я самое прекрасное, что есть в этом мире, словно я та, кого он искал, бродя по свету.

Мне хочется в это верить и быть самым прекрасным творением этого мира. Только для него. Лишь для него.

– Сними маску, Луиза, – просит он, и я дергаюсь: мое вранье действует отрезвляюще.

– Я не...

Я готова признаться в собственном маленьком обмане и снять маску, показать ему свое истинное лицо и в прямом, и в переносном смысле. Но вдруг звонит телефон, он смотрит на экран, и его лицо меняется. Вижу, что жилка на шее начинает пульсировать, подбородок напрягается, а в глазах появляются злость и раздражение. Мне хочется узнать, кто звонит и почему все его тело вытягивается как струна от одного звонка. Квантан явно размышляет, брать ли трубку. В конце концов, устало прикрыв глаза, отвечает:

– Алло. – Он поворачивается ко мне спиной, и я не вижу выражения его лица. – Где ты? – спрашивает он хриплым голосом. – Никуда не уходи, – тихо просит он человека на

том конце.

Несколько секунд Квантан стоит не шевелясь, потом медленно разворачивается ко мне и извиняющимся тоном говорит:

– Мне нужно идти.

Он выглядит настолько разбитым, что мое сердце сжимается. Пять минут назад это лицо было озарено самой прекрасной улыбкой на свете, а теперь на него страшно смотреть. Мои внутренности сжимаются, и я не знаю, что сказать и как поступить. Я киваю, он разворачивается и уходит. И, прежде чем успеваю себя остановить, быстро ловлю его за руку. Секундный импульс. Я не хотела останавливать его, прикасаться к нему, толком не знаю, как это вышло. Опускаю глаза и вижу в своей руке его руку, теплую, грубую мужскую ладонь, ту самую, что держала меня в танце, не позволяя упасть. Он тоже смотрит на наши руки, потом заглядывает мне в глаза: они полны грусти.

– Тебе нужна помощь? – тихо-тихо возвращаю ему его вопрос. Мой голос будто чужой – чересчур сильны эмоции, которые бурлят внутри.

Квантан молчит. Секунду мне кажется, что он ничего не ответит и молча уйдет, оставив меня одну, но он хрипло просит:

– Не шевелись.

Я удивленно моргаю, не уверенная в том, что правильно расслышала его слова. Он начинает медленно наклоняться, и

я перестаю дышать, лишь наблюдаю, как его губы приближаются к моим. Чувствую его приятный запах, а затем ощущаю легкий поцелуй на своих губах: нежный, ласковый, волнительный. Теплые губы накрыли мои. Это мимолетное ощущение, секундное помешательство. Но его достаточно. Кажется, биение моего сердца слышно за километры. Нет толпы, музыки и смеха. Передо мной стоит лишь Квантан. Его невероятный взгляд, потрясающие губы и рука в моей руке.

– Дыши, – шепчет он мне в губы, и я повинуюсь, только в эту секунду осознавая, что мне не хватает воздуха.

– Я вернусь, – обещает он. – Будь здесь, и я найду тебя.

Не в силах вымолвить ни слова, я киваю и отпускаю его. Он медленно, нехотя отходит и быстро пропадает в толпе. Я дрожащими руками прикасаюсь к губам. «Привет, мой первый поцелуй», – думаю смущенно, и мои губы сами собой растягиваются в счастливой улыбке. Жизнь действительно полна сюрпризов.

Нахожу пустое кресло прямо у камина и сажусь в него.

«Я дождусь тебя», – думаю про себя. Не двинусь с места ни на миллиметр. Буду ждать своего рыцаря.

Глава 3

Мама с хитрой улыбочкой садится на подлокотник моего кресла и спрашивает:

– Ничего не хочешь мне рассказать?

Мне хочется провалиться сквозь землю. Неужели она это видела? Но я быстро беру себя в руки и, досчитав до трех, без волнения в голосе заявляю:

– Да-да, Софи нравился Валентин, а потом выяснилось, что от нее без ума Габриэль. Узнав об этом, она перестала и думать о Вале. Уже минут десять строит глазки бедному Габу.

У мамы в руке бокал шампанского. Она хмыкает, делает глоток и говорит:

– Я думала, что эта девочка никогда не заметит очевидного.

Я с облегчением выдыхаю: пронесло. Затем смысл ее слов доходит до меня.

– Ты тоже знала, что она нравится Габриэлю?!

– Думаю, это известно всем. Или, постой, для тебя это тоже стало сюрпризом?

Я качаю головой и, откинувшись на спинку кресла, стреляю в нее взглядом.

Она смеется:

– О, Эль, если такие очевидные вещи для тебя тайна, бо-

юсь, ты у меня умом не блещешь.

– Это потому, что я вся в маму, – фыркаю я.

Она улыбается и, приглаживая мои волосы, говорит:

– Сама наивность.

– О да, – весело соглашаюсь я, затем серьезно спрашиваю: – Мам, почему, когда я спрашивала совета, ты не сказала мне про чувства Габриэля к Софи?

– Я решила, вы хотите покорить именно Валентина, – как ни в чем не бывало отвечает она.

– Думаю, Софи просто хочет быть счастливой.

– Детка, иногда люди считают, что будут счастливы с одним-единственным человеком. И я пришла к ложному выводу, что это как раз тот нелепый случай.

– А почему он нелепый?

Мама внимательно смотрит мне в глаза и, к моему удивлению, серьезно поясняет:

– Потому что в этой ситуации не было взаимных чувств. Софи придумала себе сказку с Валентином в главной роли, ее в любом случае ждало разочарование и разбитое сердце. Так всегда бывает. Нельзя влюбляться в собственные фантазии. Поняла? – Она терпеливо смотрит на меня и, дождавшись моего кивка, продолжает: – Любовь всегда взаимна. И да, порой один-единственный человек может сделать тебя счастливой. Но им не обязательно должен быть Брэд Питт, Тео Джеймс или любой другой, о ком тебе нравится мечтать. Им будет человек, который хорошо и бережно к тебе

относится, тот, кто готов сделать тебя счастливой и любит тебя. Можно добиться внимания кого угодно, стараться изо всех сил быть идеальной женщиной, о которой мечтает любой мужчина. Но часто идеалы никому не нужны. Иногда у женщин получается влюбить в себя, добиться того, что мужчина потеряет голову. Но знаешь, что чаще всего происходит потом? Добиваясь расположения мужчины, женщина становится ему удобной. Ведь она ради него переступает через собственные интересы, терпит и многое ему спускает. Если хочешь покорить мужчину сама, ты должна быть умной, проницательной и знать, где та грань, когда нужно включить гордость и показать характер. Потому что о бесхарактерных, Эль, вытирают ноги. Я не говорю об истеричках, которые скандалами пытаются вправить мозги своим партнерам. Нет, детка, гордость и истерики – абсолютно разные вещи. Уважение к себе и крики от безысходности находятся на разных полюсах. – Она убирает выбившуюся прядь мне за ухо и, глядя в глаза, заканчивает: – Добиваться мужчины можно, если знаешь, что он именно тот самый. И даже нужно! Но делать это необходимо аккуратно и хитро, чтобы он не понял, что на него надевают поводок. А Софи... – Мама пожимает плечами. – Скажем так, все мы разные, и она сделана не из того теста.

Я беру ее за руку и переплетаю наши пальцы.

– Ты так говоришь о поводке, что мне становится не по себе, – признаюсь. – Ведь в жизни может быть все просто:

встретились, полюбили друг друга и живут счастливо.

– Конечно, может, зайка. Но жизнь не шахматная доска. Скорее коробка шоколада: не знаешь, с какой начинкой попадется. Поэтому нельзя быть наивной, нужно быть умной: уметь анализировать, стоять за себя и свои интересы. Везде есть взлеты и падения, а в любви они случаются чаще всего.

– Знаешь, я всегда думала, что мужчина должен добиваться женщины.

– Никто никому ничего не должен – это первое правило взрослой жизни. Второе: каждый сам за себя. И третье: твое счастье не в твоих руках, а в твоих мозгах. Жизнь не сказка, она прекрасна и невероятна, но может стать и настоящим адом. Все зависит от человека, его желаний и пути, которым он идет к своим целям.

– Ты иногда пугаешь меня. – Нервный смешок срывается с моих губ, и мама целует меня в щеку.

– Я лишь пытаюсь научить тебя тому, чему научилась на собственных ошибках. Поверь, они дорого мне стоили.

– Мам, как думаешь, Мано добивалась Алекса?

Мама внимательно смотрит мне в глаза и честно отвечает:

– Мано окрутила его как последнего идиота.

– А как тебе кажется: они могут быть счастливы?

Она качает головой:

– Мано неумело затягивает поводок, Алекс чувствует давление и сопротивляется. У меня так было с твоим отцом, и, как известно, хорошим это не кончилось. Дважды.

Я хмурюсь:

– Но тогда почему ты не помешаешь ему? Зачем делать масштабную свадьбу?

– Эль, я пробовала сказать ему. Ты видела: он упрям. Ему придется пройти через это самому, получить свои жизненные уроки и набраться опыта. А свадьба... Жизнь так коротка, время бежит слишком быстро. Я помню день, когда мне сказали, что у меня родится мальчик. А сегодня ему тридцать лет, и он скоро станет папой. – Она грустно улыбается, и я вижу, как в уголках ее глаз появляются слезы. – Я не могу прожить жизнь за него, вставить ему свои мозги, но в моих силах сделать так, чтобы мой сын получил удовольствие, радость, счастье. Он совершит эту ошибку, потом будет огребать последствия. А жизнь идет, и ею надо наслаждаться. Я хочу, чтобы в его жизни был праздник.

Я целую ее кисть и прижимаю к своей щеке, она шмыгает носом и продолжает:

– Даже если его счастье продлится две секунды, оно того стоит. И запомни, зайчонок: что бы ни происходило в твоей жизни, необходимо получать удовольствие от каждой мелочи. Иначе она будет скучной, неинтересной и бессмысленной. А это страшно, Эль. Нет ничего хуже бессмысленной жизни.

Я не знаю, что сказать. Очень хочу поделиться тем, что услышала сегодня на лестнице, рассказать о своих переживаниях и облегчить душу, но, глядя, как она украдкой выти-

рает слезы, не могу этого сделать. Она нервничает и боится за Алекса. Мне хочется снять тяжелый груз с ее плеч, но в очередной раз за этот вечер я чувствую себя бессильной и бестолковой. Не знаю, как помочь самым близким людям...

– Ты самая лучшая мама в мире, – провозглашаю искренне, надеясь, что она поверит мне всем сердцем. – Только не плачь на балу, это немыслимо! Знаешь, мы с тобой нашли время для душевных разговоров, – пытаюсь пошутить. – Лучше возьми еще один бокал шампанского и улыбнись!

Мама улыбается, но качает головой:

– С шампанским мне точно пора заканчивать. А тебе очень идет эта маска, он оценил, правда?

Я смущаюсь и прячу взгляд. Она притягивает меня к себе и целует в макушку.

– Да, я видела. И даже знаю, кто этот парень.

Я резко поднимаю голову, не в силах скрыть любопытство. Она внимательно смотрит мне в глаза. Кажется, в этом мире есть всего один человек, способный так смотреть на меня: моя мама. Она будто заглядывает в душу и видит меня насквозь.

– Это Квантан Делион. Да-да, те самые Делионы, о которых я недавно говорила. Я знакома лишь с его бабушкой. Но семья у них отличная, и, если хоть четверть того, что я услышала за вечер об этом парне, правда, он действительно хороший. – Она делает паузу, и я знаю: сейчас маман скажет, что думает на самом деле.

– Но, Эль, вокруг этого мальчика очень много девочек. Прямо очень-очень. А еще ему восемнадцать, и в этом возрасте мальчикам чаще всего требуется большое женское окружение. Ты была маленькой, когда Алексу исполнилось восемнадцать, а я отлично помню этот период. Я даже не спрашивала, как их зовут.

Я молчу, не зная, что ответить. Мне не хочется спорить или что-то доказывать. Мое сердце неприятно сжимается от ее слов, но я закрываю глаза и вспоминаю его взгляд, такой теплый и успокаивающий, наш танец и мимолетный поцелуй. Кровь опять бурлит, душа поет. Слово «рыцарь» смешит, и уголки губ приподнимаются.

Мама будто чувствует мою отчужденность и хочет вернуть меня на землю.

– Эль, ты у меня очень красивая, на тебя будут обращать внимание. И тебе нужно понять: мальчики часто говорят то, что девочки хотят услышать. Если хочешь быть счастливой, не слушай, а наблюдай. Потому что поступки всегда говорят лучше слов. Врать с три короба умеет любой мужчина, а поступать по-мужски – далеко не каждый.

Я успокаивающе сжимаю ее ладонь.

– Пожалуйста, перестань, – тихо прошу я. – Это был самый потрясающий первый поцелуй.

Я и представить не могла, что со мной произойдет такое чудо, – честно признаюсь я. – Позволь насладиться этим.

Она замолкает, явно не зная, что сказать.

Возможно, мама никогда не проверяла мою домашнюю работу и не получила бы приз как «мать года», но она болеет за нас с Алексом всей душой. Проблема в одном: я не знаю, как ее успокоить. И точно не хочу спускаться с небес на землю, хочу летать высоко-высоко и вместе с Квантаном.

– Конечно, – нарушая тишину, произносит мама, и я слышу в ее голосе улыбку, – это все шампанское! Честное слово! Алкоголь по-разному влияет на людей, меня он превращает в пессимиста и параноика!

Я смеюсь, она обнимает меня за плечи и шепчет на ухо:

– Наслаждайся, моя принцесса, наслаждайся. И пусть у тебя будет все как в сказке.

Я обнимаю ее руки и шепотом произношу:

– Пусть.

Пусть он вернется скорее. Пусть он возьмет меня за руку. Пусть вновь поцелует меня.

Пусть...

* * *

К нам подходит Алекс. Он выглядит очень обеспокоенным.

– Ты видела Мано? – спрашивает мой брат. Его взгляд взволнованно бежит по толпе.

– Она приехала? Когда? Что-нибудь случилось? – на одном дыхании спрашивает мама, заглядывая ему в глаза.

– Ей сегодня весь вечер плохо, а теперь я не могу ее найти.
– Почему ты не отправил ее домой, если ей плохо?
– Я пытался. Она сказала, что все в порядке, но... – запи-
нается он.

«Но ты обидел ее, и теперь тебе стыдно», – говорю я про себя, отчаянно желая снять этот груз с его плеч. Видимо, ма-
ма права: он не готов.

– Я наговорил лишнего. Боюсь, она может перенервничать
и упасть где-нибудь в обморок. – Алекс растерянно смотрит
на нас.

– Тут везде люди, – пытаюсь я его успокоить, – если бы с
ней что-то случилось, мы уже знали бы об этом.

Он кивает:

– Только если она не захотела уединиться.

– У нее бывают обмороки? – морща нос, скептически ин-
тересуется мама.

– Пару раз случались, – хрипит он в ответ.

– Настоящие обмороки? Она говорила о них своему вра-
чу? Или это очередной спектакль для тебя?

Мой брат устало трет переносицу, его плечи опускаются.

– Не знаю, – почти беззвучно отвечает он, – но мне нужно
ее найти.

– Мы поможем тебе, – встречается мама, и морщинка меж
ее бровей становится глубже. Никто не привык видеть его в
таком состоянии. – Пошли, Эль.

Меня будто стукнули по голове. Происходящее доходит

до моего сознания очень медленно. Мама нервно потирает ладони:

– Быстрее! Разделимся и прошерстим первый этаж, а ты ищи наверху. Ей очень повезет, если я не найду ее первой, – зло бросает мама, поглядывая на сына, но за этой злостью скрывается сильное беспокойство.

Я беспомощно оглядываюсь по сторонам, надеясь, что Квантан сейчас окажется тут. Но его нет. Медленно встаю с кресла под ледяным взглядом мамы, которая не понимает моей заторможенности. Затем смотрю на брата: он как ненормальный сканирует толпу. Видя его таким испуганным, я пугаюсь. А вдруг с ней правда что-то случилось? Если она упала где-нибудь в безлюдном месте и ей некому помочь? В конце концов, если мне повезет, Квантан дождется меня, а если нет, могу попытаться найти его в соцсетях. Или мама узнает номер его телефона. В любом случае ситуация разрешима. Я киваю сама себе и пытаюсь сосредоточиться на поисках Мано. Положив руку на плечо Алекса, тем самым привлекая его внимание, говорю:

– Не нервничай, мы ее найдем. Все будет хорошо.

Он гладит меня по руке, но это автоматический жест. Его глаза продолжают сканировать толпу.

– Какого цвета ее платье? – интересуется мама.

– Зеленого, – одновременно отвечаем мы с Алексом. Он удивленно приподнимает бровь, а я прикусываю губу.

– Я видела вас, – шепчу я. – Не подошла потому, что...

Секунду он изучает мое лицо.

– Я понял. – Он опускает голову.

Мама не чувствует напряжения между нами. Она слишком зла на Мано.

Я разворачиваюсь, но Алекс ловит меня за локоть.

– Извини за сегодня, – тихо говорит он, и на его лице отражается множество чувств: стыда, неловкости, страха, полной растерянности. Где озорство и самоуверенность? Что происходит? Как ему помочь? Эти вопросы не дают мне покоя.

Я обнимаю его.

– Все хорошо, Алекс, – произношу твердо, стараясь передать ему свою уверенность. – Мы найдем ее.

На самом деле мне хочется одного – чтобы он обрел себя и чтобы мне никогда не пришлось снова стать свидетелем его растерянности.

Пробираясь сквозь людской поток, не могу перестать думать о сложившейся ситуации. Не верю в идеальные отношения, так как росла не на сказках. Я видела, как два человека могут любить друг друга и при этом не способны находиться в одной комнате. Мои родители были для меня примером – и хорошим, и плохим. Но происходящее между Мано и Алексом похоже на пытку. Знаю, порой люди мучают друг друга, хотя не имеют понятия, зачем это делают... Однако в жизни бывает всякая любовь: больная, ненормальная. Она существует наравне с исцеляющей. И никто не знает, какой

билет ему выпадет.

Все эти разговоры об отношениях, здоровых и полноценных, всегда казались мне изначально ненормальными. Мне кажется, в какой-то момент люди заменили понятие «любить» совершенно другим – «быть удобным». Ведь все психологи учат одному: нужно быть с человеком, с которым тебе удобно. Никто не говорит о чувствах и жертвенности ради любви. Ромео и Джульетта в нашем мире сошли бы за психически нестабильных подростков, а не за отчаянно влюбленных.

Нас учат быть эгоистами, полностью сосредоточиться на себе и своих желаниях, быть с человеком, который точно так же заиклен на самом себе. Нам объясняют, что страдание – слабость и, если мы страдаем из-за любви, с нами что-то не так. Значит, мы не до конца уверены в себе, нас подавляют комплексы. Проблемы вытекают из травматичного детства: кто-то будет обвинять родителей, школу, детсад, утробу матери – весь мир. Люди стали слишком умными, чтобы чувствовать, и слишком эгоистичными, чтобы любить.

Но иногда происходит чудо. Ты встречаешь парня, вы начинаете разговаривать, и в следующую секунду он целует тебя. Целует аккуратно и нежно, но этого достаточно. Твое сердце трепещет, дыхание сбивается. Возможно, я не до конца познала этот мир, но сегодня в моей душе произошел переворот. Если и нужно цепляться за что-то в этом мире, то за подобное чудо. Больше не за что.

Коридоров на втором этаже много, как и дверей, ведущих в комнаты. Беззастенчиво стучу и открываю одну за другой. Когда натыкаюсь на людей, быстро бормочу «пардон» и двигаюсь дальше.

В какой-то момент я останавливаюсь, не зная зачем. Мои ноги сами застывают посреди коридора. Я цепенею. Что-то подсказывает мне остановиться и бежать как можно дальше отсюда. В душе растет тревога, каждый нерв напряжен. Кажется, я слышу голоса. Шагнув вперед, снова останавливаюсь. «Не ходи, не смотри, беги!» – кричит мой внутренний голос. Мне становится не по себе, страшно и любопытно одновременно. Вижу дверь в конце коридора и точно знаю: за ней что-то есть. То, чего я не должна видеть.

Выпрямив спину и отгоняя наваждение, медленно направляюсь к коричневой лакированной двери с позолоченной ручкой. Не могу смотреть ни на что другое, кроме нее. Мое сердце бешено колотится в груди.

Останавливаюсь перед ней и перевожу дух. Я стучала абсолютно во все двери, прежде чем зайти. Но в этот раз крепко хватаюсь за ручку и тяну ее на себя. Приоткрыв дверь, вхожу внутрь. В комнате пусто. Мое внимание привлекает гобелен на стене с изображением рыцарских подвигов. Смотрю на зловещего дракона, прекрасную даму в башне и доблестного рыцаря. На его щите вышито сердце, проткнутое стрелой: знак того, что все свои подвиги он посвящает

любимой. Возможно, вселенная посылает мне сигнал. Глупо, конечно, но я улыбаюсь как последняя дурочка.

Затем слышу женский голос. Он кажется мне знакомым.

– Ты все еще любишь меня, – говорит девушка.

Я готова громко позвать Мано, сообщить ей о своем присутствии. Затем понимаю, что Алекс нашел ее первым, и решаю молча удалиться. Но звук бьющейся вазы заставляет меня замереть.

– Ты все еще любишь меня! – Громкий отчаянный крик. – Кто-то же должен любить меня! Кому-то есть до меня дело, черт побери! Я нужна тебе! Скажи, что нужна!

– Не кричи. – Голос звучит тихо, спокойно, отчужденно.

Мое сердце останавливается. Голос. Это не он. Ведь не он?

Мне не хватает воздуха. Заставляю себя дышать и беззвучно иду к арке, ведущей в смежную комнату. Останавливаюсь, не зная, что делать дальше. Перед Мано стоит Квантан. Она злая, красная и запыхавшаяся. Одной рукой придерживает выпуклый живот, второй вцепилась ему в руку, ту самую, которую держала я. Квантан выглядит растерянно, в его глазах читается борьба с самим собой.

– Мне страшно, Квен. Боюсь, я сделала неправильный выбор.

– У тебя не было выбора. Для тебя всегда существовал только он.

Мано вытирает ползущую по щеке слезу:

– Он не любит меня и никогда не полюбит. Моей любви не хватит на нас двоих.

– Чего ты хочешь от меня, Мано?

Он отводит взгляд в сторону. Она берет его за подбородок.

– Посмотри мне в глаза, – нежно просит она, и он повинуется не сопротивляясь. – Если бы это был твой ребенок, ты был бы счастлив?

– Какая разница, ведь он не мой.

– Просто ответь, пожалуйста.

– Да, – хрипло произносит он. И в этом ответе столько эмоций, столько желания.

Ощущение, что кто-то дал мне со всего маха в живот. Хочется согнуться на корточках. Тошнота подступает к горлу.

– Я бы плевал на весь мир, женился на тебе и постарался сделать тебя счастливой. Но это было раньше, Мано. Раньше...

Мано сладко улыбается ему и проводит рукой по его каштановым волосам.

– Ты мой хороший. – От ее приторно-ласкового тона у меня сводит скулы.

– Проблема в том, – шепчет Квантан, – что одной моей любви тоже было бы недостаточно.

Она грустно кивает. Слезы текут по ее щекам.

– Поцелуй меня.

И он вновь не противится, лишь на секунду мне кажется,

что он скажет «нет». Но выражение его лица меняется. Он так смотрит на нее... Мне становится не по себе от этого взгляда. Ревность сводит мое горло.

– Это в последний раз, – словно пытаюсь убедить самого себя, произносит он и, взяв в руки ее лицо, притягивает к себе. Их губы сливаются в поцелуе. Нет, не в нежном и милостном, а в настоящем, страстном, чувственном поцелуе.

В моих глазах стоят слезы, все вокруг теряет очертания и сливается. Но я беру себя в руки и заставляю смотреть. Говорю себе, что могу смотреть на это, могу сделать себе больно, вырвать из груди сердце прямо здесь и сейчас и оставить его в этой комнате. Разочарование, граничащее с дикой злостью, током проходит по всему телу, отрезвляя, возвращая на землю, как и ревность. Они не замечают меня, так как слишком заняты друг другом. Я поднимаю телефон, включаю камеру и жду, пока картинка станет четкой. «Не делай этого», – просит внутренний голос. Поздно. Я фотографирую их поцелуй и выключаю экран телефона.

Мои ноги не слушаются, но я заставляю себя выйти из комнаты. Оставляю дверь открытой нараспашку и смотрю на фотографию в телефоне. Ощущение такое, будто кто-то режет меня по живому.

Не успеваю спуститься, как слышу звуки быстрых шагов в коридоре и прячусь за ближайшей дверью.

– Ты не можешь меня оставить! – уже знакомый крик.

Мне хочется закрыть уши руками и заорать! На сегодня

достаточно, все лимиты исчерпаны. Но я слышу его голос, и мне становится страшно.

– Немыслимо! Ты думала, я трахну тебя?! Ты правда так думала?! – Его голос пропитан злостью. – Беги к своему Алексу, Мано. Ты всегда так делала. Упав перед ним на колени, тебе уже нечего терять. Ни достоинства, ни уважения к себе, ничего. – Холодный, презрительный тон. – Ты и есть ничто!

– Ты, – цедит она сквозь зубы, – это ты бегал за мной как собачонка!

Ей важно поставить его на место.

– Ты выходишь замуж, забудь и оставь меня. – Тон усталый, пронизанный отвращением. – Я больше не буду тебя трахать. Нет фетиша на беременных. Уж прости.

Грубо. Чертовски грубо и безжалостно. Но странное чувство в глубине моего сердца пытается его оправдать и сказать, что Мано это заслужила. Однако образ хорошего парня с добрым, теплым взглядом рассыпается в прах. В эту секунду, уже в который раз за день, мой мир переворачивается. «Никакой он не рыцарь, – думаю я. – Очередной тип с гнильцой, скрывающийся за глянцевою картинкой».

В моей душе рождается лютая ненависть. Я не в силах ее контролировать. Ненавижу их! Всей душой, всем сердцем. Ненавижу Мано – за то, что мой брат сейчас внизу, испуганный и растерянный, выбитый из колеи, разыскивает ее. Алексу перед ней стыдно! Перед этой тварью... Ненавижу

своего брата таким, каким сделала его Мано. И ненавижу Квантана.

Ругаю себя за лишнюю эмоциональность, пытаюсь успокоиться, но ничего не могу с собой поделаться. Жалкие попытки включить здравый смысл не работают. Что было между нами: минутная взаимная симпатия, секундное помешательство? Ничего значимого. Ничего грандиозного. Но почему душа так сильно болит, а сердце разрывается от ревности, обиды и злости? Отчего хочется рыдать и кажется, что меня предали? Нет на то причин. Но мое сердце и душа не согласны. Мне слишком больно. Я очень зла. Телефон с фотографией все еще в моей руке. Пристально смотрю на снимок, ненавидя этих людей так сильно, как никого и никогда. Она изменяла моему брату долгое время и делала это с Квантаном, с парнем, с которым полчаса назад у меня был первый в жизни поцелуй. И я знаю, что не просто покажу эту фотографию Алексу, а перескажу ему услышанный разговор. Передам каждое слово. Я освобожу его. И мне все равно, каковы последствия: мой брат не заслужил такого отношения. Если понадобится, я перегрызу ей горло, уничтожу ее.

Чувствуя себя как в тумане, я очень медленно, скользя рукой по перилам, спускаюсь вниз. Стараюсь дышать полной грудью, чтобы не упасть, покотившись вниз по лестнице. Это сложно: ноги спотыкаются, из-за слез почти ничего не вижу. Сойдя с последней ступеньки, оглядываюсь. На первом этаже без перемен. Так и бывает: твое сердце разбито вдребез-

ги, а жизнь идет своим чередом.

Нахожу Алекса в толпе. Останавливаюсь, сомнения заполняют каждую частичку моего тела. Если скажу ему правду прямо сейчас, его жизнь не будет прежней. Планы на будущее, надежды, мечты – все рухнет. Знаю: он ее не простит. Ни сейчас, ни в ближайшее десятилетие. Не будет никакой свадьбы и полноценной семьи, а ответственность за это ляжет на мои плечи. Готова ли я к такому грузу?

Выпрямляюсь и решительно направляюсь к брату. Она лгала ему. Что может быть хуже, чем строить семью с предательницей?

– Алекс! – пытаюсь громко позвать, но голос осип от волнения. – Алекс! – хрипло пробую снова.

Он поднимает голову и смотрит мне в глаза. На секунду замирает, затем быстро направляется в мою сторону.

– Что с тобой? Тебя кто-то обидел? – заглядывая мне в лицо, спрашивает он.

Я качаю головой, но слезы продолжают течь по щекам. Чувствую, как маска внутри становится мокрой, слезы пробиваются сквозь нее, бегут по подбородку и капают на шею.

– Алекс, – словно заклинание повторяю я и дрожащими руками показываю ему свой телефон.

Он смотрит на фотографию, потом на меня.

– Алекс, – говорю я последний раз, и меня прорывает.

Он продолжает смотреть на фото. В какой-то момент кажется, что он даже не слышит меня. Но я, не останавлива-

ясь, рассказываю все до последней капли. Постепенно лицо Алекса искажается. Складка между бровями углубляется, глаза становятся злыми.

– Квантан Делион? – хрипит он. – Он же ребе... – Брат запинается и прикрывает глаза рукой, пытаюсь совладать с эмоциями.

Я молча смотрю, как его плечи поднимаются и опускаются. Мне больше нечего сказать.

Мы стоим не двигаясь. Не знаю, сколько проходит времени. Я решаю написать маме и сказать, что мы нашли Мано. Она тут же засыпает меня вопросами, и я пишу, что отвечу позже. Алекс по-прежнему пытается взять себя в руки. Не знаю, что и сказать. В этот момент к нам подходит высокий блондин и смотрит на меня в упор.

– Алекс, кто это рядом с тобой? – непринужденно спрашивает он, наклоня голову в мою сторону.

Мой брат поднимает голову, и я вижу его стеклянный взгляд, полный злобы и ненависти. Он устремляет его на блондина. Тот усмехается и распускает бабочку на шее.

– Я не для себя спрашиваю, мы всей семьей ищем некую Луизу в красной маске.

– Ее зовут не Луиза. – Тон Алекса заставляет блондина оторвать от меня взгляд. В его руке звонит телефон, и он отвечает:

– Старина Квен, почему в твоей жизни все так сложно? Да тут миллион девушек в красных масках! И большинство

из них блондинки!

Мое сердце останавливается. Он ищет меня! Квантан ищет меня! Хочется глупо рассмеяться и разрыдаться прямо здесь и сейчас.

Александр, стоя рядом со мной, напрягается.

– Скажи, что я жду его на заднем дворе, – говорит он блондину.

Веселое выражение лица последнего сменяется серьезным. Парень пристально смотрит на Алекса, и мой брат повторяет:

– Пьер, – с нажимом произносит он его имя, – скажи своему кузену, что я жду его на заднем дворе.

Блондин продолжает молчать. Они с Алексом смотрят друг другу в глаза. Атмосфера накаляется.

– Он слышал тебя, – отвечает Пьер и добавляет: – Я пойду с вами.

Это было сказано в трубку Квантану. Алекс резким движением вырывает телефон из рук Пьера:

– Если она все еще рядом, лучше возьми ее с собой.

Он сбрасывает вызов и возвращает Пьеру телефон со словами:

– Не переживай, я не подниму руку на беременную женщину... и на ребенка. – Последнее слово он выплевывает, имея в виду Квантана.

Мне становится не по себе от его холодного тона. По спине бегут мурашки. Пьер тихо матерится, Алекс делает глу-

бокий вдох и говорит:

– Все были в курсе. И ни одна собака мне не рассказала!

Пьер переминается с ноги на ногу.

– Я догадывался, – честно отвечает он, не глядя на моего брата, – но не был уверен.

Алекс кивает:

– Ясно.

Он разворачивается и идет к двери, ведущей на задний двор.

– Не ходи за ним, – твердо предостерегаю я блондина.

Он поднимает голову и смотрит мне в глаза.

– Тебя забыл спросить, – грубит он.

– Не смей лезть, – со сталью в голосе, уверенно бросает проходящий мимо Квантан.

Он торопится и не замечает меня, но от тона его голоса я и Пьер вздрагиваем.

– Если увидишь Мано, скажи, чтобы ехала домой, – кидает он напоследок и исчезает в толпе.

Злость с новой силой наполняет меня. Он продолжает оберегать ее, черт бы его побрал. Ревность рвет мне душу, хочется поймать его за локоть, дать пощечину, назвать последней тварью. А после... поцеловать. Ощущение, что я схожу с ума. Все чувства перемешались. Обессиленная, я смотрю ему вслед, не до конца сознавая, что именно натворила и что будет дальше. Мано не заставляет себя долго ждать. Она устало улыбается Пьеру и, обхватив свой живот,

жалуется:

– Беременность – определенно не лучшее ощущение. Ты, случайно, не видел Алекса? А то я весь вечер скрываюсь от его сумасшедшей мамы, как бы не обиделся.

Меня она не узнает.

Пьер кивает и собирается с мыслями. Он явно не знает, с чего начать, нервничает и хмурится.

– Мано, – наконец говорит он, но я не даю ему закончить:

– Алекс ждет тебя на заднем дворе.

Она удивленно приподнимает брови.

– Прямо обыскался тебя, как и его сумасшедшая мама, – заканчиваю я, чувствуя тревожный взгляд Пьера.

– О, привет! – растерянно отвечает Мано и нервно хихикает. – Я не узнала тебя.

– Я заметила.

Она фальшиво улыбается:

– Он давно ждет?

– Нет, минуты две.

– Мне просто было плохо, поэтому я решила посидеть в тишине. Беременность – дело непростое, – оправдывается она, по-прежнему фальшиво скаля зубы.

– Да, знаю. Квантан сказал нам.

Выражение ее лица меняется, и она бледнеет.

– Квантан? – растягивая его имя, переспрашивает она.

– Да, он.

Мы смотрим друг другу в глаза. Играем в гляделки. Она

первая не выдерживает и прячет взгляд, нервно теребя подол платья. Мое внимание привлекает огромный камень на ее безымянном пальце. Мне так хочется сделать ей больно! А ее испуганное лицо приносит удовлетворение. Продолжаю чувствовать на себе тяжелый взгляд Пьера.

– Мано, пошли. Отвезу тебя домой, – пробует вмешаться он.

– Нет-нет, – слишком громко отвечает она, – мне нужно поговорить с Алексом. Мне нужно... – Она резко оборачивается и почти бежит к двери, ведущей на задний двор.

Я смотрю ей вслед и думаю, что такую сволочь еще надо поискать.

– Зря ты это сделала, она ведь беременна, – бросает Пьер, пытаюсь разбудить во мне совесть.

Но моя ненависть слишком сильна, чтобы чувствовать угрызения.

– Плевать, – отвечаю ему.

Он вглядывается в мое лицо:

– Оттого, что они расстанутся, ты не станешь счастливее.

Я хмыкаю:

– Кто тебе сказал?

– Как там говорят? На чужом несчастье своего не построишь? – Он пожимает плечами.

– Он мой брат, – раздраженно выплевываю я, – а тебе не мешало бы заткнуться.

Глаза Пьера озаряет понимание. Он проводит рукой по

коротко стриженным волосам и произносит:

– Иногда лучше не лезть. Поверь мне.

Я отхожу от него, громко стуча каблуками. Слишком поздно, я уже все разрушила. Вот только никаких угрызений совести я не испытываю. Каждый получит по заслугам.

Глава 4

Папа с мамой кружат в танце. Если посмотреть на них со стороны, кажется, что они идеальная пара. Мама – красивая, стройная, высокая блондинка с густыми блестящими волосами. Папа – широкоплечий, в отличной форме шатен, с правильными чертами лица. Они друг друга дополняют и выглядят гармонично. Будто у них за плечами годы счастливой жизни, а в будущем их ждет не менее счастливая старость. Но это с виду. На самом деле стоит им остаться наедине, как они начинают грызть друг друга заживо.

Вот что интересно: с Жан-Люком мама не смотрится. Он среднего роста, полысевший, сутулый. Но, когда они вместе, их глаза сияют. Нынешняя жена отца младше мамы на восемь лет, но не такая красивая. Она всеми силами старается сохранить молодость. Половина ее лица не шевелится из-за разнообразных инъекций. Не думаю, что папа безумно в нее влюблен. Но он ценит и уважает эту женщину. И, когда они вместе, им есть о чем поговорить, что обсудить, над чем посмеяться. Они строят планы и не собачатся по мелочам.

Сейчас, глядя на своих родителей, я испытываю нечто похожее на гордость. Они так плавно кружатся в танце, самая красивая пара в зале. Пышное платье мамы переливается в свете хрустальных люстр, а папа смотрит на нее с такой волшебной улыбкой, будто действительно влюблен. Они выгля-

дят счастливыми и умиротворенными. Никто из них еще не знает о событиях сегодняшнего вечера. Ни он, ни она не в курсе, что грандиозная свадьба их сына не состоится, что все его планы рухнули. И я уверена: они испытают облегчение. Но ведь это ненормально – испытывать облегчение, когда будущее твоего сына рассыпается в прах. Жизнь порой слишком запутанная и сложная.

Я смотрю на них и пытаюсь понять, что такое истинная любовь. Иногда ей на смену приходит ненависть, или, наоборот, ненависть сменяет любовь. Порой мы думаем, что безумно любим, а на деле просто не знаем, что это за чувство.

Алекс быстро возвращается в зал. Слишком быстро. Он ловит мой взгляд и головой указывает в сторону главной двери.

– Валим, – читаю я по его губам.

Он не дожидается меня и стремительно выходит из зала.

– Ее нигде нет, мы спросили у всех девушек в красных масках! Среди них нет ни одной Луизы! – возмущается блондинка позади меня.

– Квантан впервые за долгое время сказал «девушка» вместо привычного «телка». Мы обязаны ее найти, – отвечает ей мужской голос. – Леа, а у тебя есть новости?

Девушка хмыкает:

– Я нашла Луизу в красной маске, но ей сорок два и она не знакома с Квантаном. Последний пункт уточнила на всякий

случай.

– Не знаю, плакать мне или смеяться, – со смешком в голосе бормочет блондинка. – Не могу поверить, что он упустил ее. Первое, что должен сделать парень, – это спросить номер, на крайний случай никнейм в соцсетях. Да, возможно, это не слишком романтично, зато действенно! Когда мы ее найдем, я сама возьму у нее номер!

«Не найдете, – думаю, проходя мимо и прикрывая свою красную маску волосами. – Никогда не найдете».

– Эль, – у выхода меня окликает Лео, – ты куда?

– Домой, – коротко отвечаю я.

– Слава богу, – радостно восклицает мой друг, – а то я уже думал вызвать такси. Это место меня порядком достало, я с тобой.

Я пожимаю плечами:

– Пошли.

– С тобой все в порядке? – спрашивает Лео, слегка хмурясь. Я все еще прячу лицо за волосами.

– Нет.

Он больше не лезет с расспросами. Мы молча спускаемся по лестнице. Машина Алекса стоит у входа, он дает чаевые портье.

– Давайте быстрее, – говорит Алекс, открывая мне дверцу машины и кивая в сторону Лео.

Я чувствую на себе взгляд друга. Он хочет спросить, что стряслось, но я специально не смотрю на него. Не готова от-

вечать на вопросы и молча сажусь в машину, словно не замечая его присутствия.

– НЕ ОСТАВЛЯЙ МЕНЯ, ПРОШУ ТЕБЯ!

От этого неожиданно дикого крика я вздрагиваю, а с заднего сиденья слышится удивленное: «Что за?..»

Мано. Вся в слезах, она хватается Алекса за руку. Ее крик привлекает внимание людей в парке и на балконах. Мой брат замирает, но не смотрит на нее.

– Я сказал, – сквозь зубы произносит он, – что не хочу тебя видеть. Исчезни.

– Я люблю тебя.

Ее всю трясет, она опускает его руку на свой живот.

– Чувствуешь, как шевелится? Наш с тобой ребенок шевелится.

Алекс отталкивает ее. Я в ужасе прикрываю рот рукой.

– Не смей, – тихо, но с ненавистью в голосе говорит он и, глядя прямо ей в глаза, повторяет: – Не смей.

Вижу, как люди неодобрительно поглядывают в сторону моего брата, и понимаю, как, должно быть, это выглядит со стороны. Перед высоким сильным мужчиной стоит беременная заплаканная женщина. Но все обстоит не так, как кажется... Я читаю недовольство и возмущение в глазах мужчин и женщин. Мне хочется заорать, что эта беременная девушка – не жертва! Но я уверена: мой крик вряд ли что-то изменит. Люди чересчур быстро делают выводы, со знанием дела они готовы осудить практически любого.

– Ты сам виноват! – в отчаянии, истерично кричит Мано. – Если бы ты не трахал всех подряд, я бы этого не сделала.

Алекс отшатывается, словно получил пощечину. Он подходит к ней совсем близко и, глядя в глаза, произносит:

– Я не спал ни с кем, кроме тебя, два последних года.

В его голосе сквозят разочарование, обида и усталость. Голубые глаза не горят, они потухли. Она удивленно моргает и, как рыба, открывает и закрывает рот, не зная, что ответить. Видно, что он не врет.

– Ты просто дура, Мано. Собственными руками взяла и все разрушила, – тихо и грустно звучит его голос.

В этот момент я понимаю: ему больно, очень больно. Алекс разворачивается, но Мано бросается ему на плечи.

– Прости меня! Прошу тебя, прости. Я люблю тебя! – Последнее предложение она повторяет раз десять.

Он снимает с себя ее руки и, не оборачиваясь, садится в машину.

– Алекс! – кричит Мано ему вслед.

В этом крике столько отчаяния, что мое сердце разрывается. Я начинаю понимать, что сделала. Все происходит по моей вине. Я со злостью срываю с себя маску. Лео продолжает смотреть мне в спину, ожидая ответов на вопросы. Однако ему хватает чуткости не задавать их в салоне рядом с моим братом. Одна из женщин-наблюдательниц подходит к Мано и пытается увести ее от машины, чтобы дать нам уехать. Не сразу, но ей удается это сделать. Алекс молча заводит маши-

ну и выезжает за пределы замка. Наши телефоны разрываются. Ему звонит папа, мне – мама. Я пишу маме эсэмэску, обещая все рассказать, но не сейчас. Мама просит позвонить ей по приезде домой. Подняв голову от телефона, я ужасаюсь. Мы успели набрать приличную скорость. Деревья, дорога, уличные фонари – все сливается. Мне становится действительно страшно. Вижу, как брат вцепляется в руль с такой силой, что костяшки пальцев белеют.

– Алекс, – зову его я, – сбавь скорость.

Он будто не слышит меня и, не замедляясь, обгоняет впереди идущую машину. В глаза бьет яркий свет от фар грузовика, несущегося навстречу. Громкий гудок, визг шин. Я не пристегнута и сильно ударяюсь о дверь. На секунду мне кажется, что это конец. Но в последний момент мы успеваем вывернуть на обочину и избежать столкновения.

– Какого черта?! – ругается Лео сзади.

– Мы убили кого-то? – в панике спрашиваю я, до конца не понимая, что произошло.

– Нет, – коротко отвечает Алекс.

И я выдыхаю, но сердце продолжает колотиться. Алекс пялится в одну точку своими бешеными глазами. Не выдержав, начинает с силой бить по рулю. Он не кричит, но ударяет по нему громко и отчаянно.

«Все это происходит из-за меня», – думаю я и чувствую, как теплые слезы бегут по щекам.

– Алекс, перестань, – прошу его, но он продолжает.

Тогда я начинаю ловить его руки в безнадежной попытке остановить и успокоить. Он бьет меня по кисти, я вою от боли, и Лео хватает его за руки.

– Успокойся, мать твою! – орет он, и я в ужасе смотрю уже на него. – Я вызову такси, – не пряча глаз, грубо продолжает мой друг. – С ним никто не поедет. – И после минутной паузы просит: – Покажи свою руку.

Я показываю красную кисть, понимаю, что сама подсунула ее ему. Алекс тоже смотрит на нее, а потом целует.

– Прости, малыш, – говорит он голосом, полным сожаления, и заглядывает мне в лицо. Его глаза широко раскрыты, руки тянутся к моему лбу.

– Ты только что так ударилась?

Я молча киваю, весь мой вид кричит о том, как мне страшно, и я вижу в его глазах стыд и боль.

– Ну ты и придурок, – зло цедит Лео. – Убить нас решил?

Я не выдерживаю и зло ору на него:

– Заткнись!

Лео прячет глаза и нервно кусает губу. В машине повисает тишина, которую нарушает Алекс:

– Когда подъедет такси?

– Через двадцать минут, – глядя на экран, тихо отвечает Лео.

Он кивает в ответ и, поймав в зеркале взгляд моего друга, произносит:

– Спасибо.

Черный «Ситроен» приехал ровно через двадцать минут. Алекс отказывается ехать вместе с нами. Не скрывая своего беспокойства, я пытаюсь его уговорить:

– Ты уже чуть не попал в аварию. Поехали с нами, пожалуйста.

– Эль, мне так стыдно перед тобой за сегодняшний вечер. Но давай смотреть здраво: я не могу оставить машину на обочине.

– Мы можем что-нибудь придумать...

Он перебивает меня:

– Прошу тебя, сядь в машину и уезжай. Мне нужно побыть одному. Мне это просто необходимо.

– Обещаешь, что позвонишь мне, когда будешь дома? – не сдаюсь я.

– Я отправлю тебе эсэмэску.

– Обещаешь? – настаиваю я, как маленький ребенок.

Он устало трет лоб:

– Обещаю.

– Алекс, – бормочу я и запинаясь. Не знаю, как закончить предложение, просто наклоняюсь и обнимаю его.

– Люблю тебя, сестренка, – шепчет он мне на ухо.

В горле ком, я киваю и быстро выхожу из машины, еще секунда – и разрыдаюсь у него на груди. Лео уже сидит в машине на заднем сиденье, и, как только я оказываюсь рядом, я не выдерживаю, бросаюсь ему на шею и горько плачу. Водитель

делает вид, что не замечает моей истерики, и молча трогается с места. Лео сначала нерешительно постукивает меня по спине, потом крепко обнимает в ответ. Я поднимаю голову, заглядываю в его красивые зеленые глаза и все рассказываю. Он не перебивает, не задает вопросов, лишь выражение его лица меняется от смущенного к удивленному, хмурому и в конце концов злому.

– Все наладится, Эль, – говорит мне мальчишеский голос. Я кладу голову ему на плечо, и он поглаживает мои локоны.

– Вот увидишь, все будет хорошо. Главное – потерпеть сейчас. Дальше – лучше.

И я ему верю, мне так хочется верить. Я закрываю глаза, и усталость накрывает меня с головой. В полудреме чувствую, как он накрывает меня своим пиджаком и просит водителя сделать музыку тише.

– Остановите перед аптекой, – подсказывает водителю Лео, и звук его голоса будит меня. – Эль, – шепотом зовет он, – мы приехали к тебе.

Я приподнимаюсь, Лео первый выбирается из машины и открывает дверь.

– Провожу тебя, – говорит он, и мы молча идем рядом.

У двери я неловко ему улыбаюсь.

– Не хочешь зайти? У меня есть торт в холодильнике и «Нетфликс».

Мне не хочется оставаться одной, рядом с ним так спокойно. Он хмыкает:

– Мой отец будет не рад, уже перевалило за полночь.

– Я сама позвоню ему.

Лео качает головой:

– Лучше не надо, он уже злой.

Я знаю, что у него сложные отношения с родителями. Но есть старшая сестра, Лилу, с которой они очень близки. Сейчас она работает в Нью-Йорке. Ей семнадцать, она бросила школу и в пятнадцать лет начала модельную карьеру. Именно она оплачивает обучение Лео в нашей школе. Лилу очень высокая, видная и сексапильная, в шестнадцать она уже снималась для известных журналов и, насколько мне известно, содержит себя самостоятельно. Родители были против ее модельной карьеры: они очень верующие люди, католики старой закалки. Но каким-то образом в начале карьеры, когда ей еще не было восемнадцати, она заставила их подписать контракты.

– Я знаю этого Делиона, – вдруг говорит Лео и, поймав мой удивленный взгляд, продолжает: – У Лилу подруга учится в лицее Hulst. В этом году их школа устраивала благотворительный концерт, они с друзьями готовили театральную постановку, а Лилу как раз была в Париже и потащила меня посмотреть. Квантан и двое других парней тоже выступали, у них бойз-бэнд или что-то вроде того. Он барабанщик. Все девчонки с ума посходили. Но Лилу сказала, что они еще малышки, и мы ушли, не дождавшись конца. Ты ее знаешь: если парню меньше двадцати пяти, он автоматически входит в

категорию сопляков, – хмыкает Лео. – Но подружке Лилу, Эстер, нравится Квантан. Она только и говорила, какой он воспитанный, галантный и прочую ерунду. Так что, Эль, ты не одна такая. Некоторые люди умеют притворяться хорошими. Ну знаешь, молиться Богу, посещать церковь. А потом орать и избивать собственных детей, – горько заканчивает Лео и удрученно поглядывает на часы.

И я понимаю: я доверилась ему – и он ответил мне тем же. Я впустила его в свой разрушенный мир, а он показал мне свой. Но я не могу скрыть своего ужаса.

– Лео, останься у меня, я попрошу папу позвонить твоему отцу и сказать, что нас задержали родители!

Он молчит. Мимо проезжают машины и гуляют люди. Из кафешек доносятся шум разговоров, музыка. Жизнь идет своим чередом. Так и хочется крикнуть: «Замри и посмотри, что творится вокруг!» Июльский вечер очень теплый, но в моей душе дикий холод. Я беру его за руку. Он поднимает глаза и качает головой:

– Нет-нет, еще не хватало, чтобы мне запретили общаться с тобой. А это приведет именно к такому результату. Я пойду, ладно?

Он целует меня в щеку на прощание и садится в такси. Я никогда не была у него дома, даже не знаю, где он живет. Достāju телефон и пишу ему СМС: «Если хочешь, позвони мне сегодня ночью, я все равно не буду спать». И тут же получаю ответ: «Не получится – вероятнее всего, у меня заберут те-

лефон». Мне становится так грустно...

* * *

Я снимаю платье и внимательно разглядываю в зеркале огромную шишку на лбу. Мне еще предстоит объяснять, откуда она взялась. Желательно придумать что-нибудь стоящее, чтобы не подставить Алекса. Звоню маме. Понимаю, что это не телефонный разговор, и знаю, что они уже в пути. Но мне будет сложно рассказывать все, глядя ей в глаза. Мое сердце бьется в такт телефонным гудкам. Наконец она снимает трубку, и я в очередной раз начинаю свой рассказ, умалчивая лишь о том, кто увидел Квантана и Мано вместе: мне почему-то стыдно говорить, что это была я. Коротко бросаю, что при поисках Мано ее застукали с Делионом. Врать или недоговаривать маме – абсолютно на меня не похоже, но не могу заставить себя рассказать всю правду. Я заканчиваю говорить, а она молчит, причем так долго, что я начинаю думать, будто связь оборвалась и я говорила с пустотой.

– Мам, – зову я.

– Я тут... А где сейчас Алекс?

– Не знаю, – отвечаю, умолчав об инциденте на дороге.

– Нам с Антуаном надо поговорить: предстоит столько всего отменить... Мы потеряем огромную кучу денег. Поедем ко мне и обдумаем, как правильное поступить. Приглашенные уже разосланы... просто ужас. Ты ложись спать.

Да, и позвони Мари, если она еще не дома. Скажи, что папа сегодня не придет. Она уже слышала последние сплетни: поймет, что к чему.

– Хорошо, а как насчет Алекса?

– С ним мы поговорим завтра. Думаю, его нужно отправить куда-нибудь в командировку. Пусть сменит декорации, пока скандал не утихнет.

– Сменит декорации? Я переживаю за него...

– Я тебя умоляю, Эль. Это же Алекс: с него все как с гуся вода. А вот нам расхлебывать последствия его идиотизма.

Вспоминаю растерянный, полный боли взгляд Алекса и не могу понять, как она может говорить такое.

– Мне кажется, ему очень больно.

– Эль, детка, поболит и перестанет. Он не маленький, должен был думать, прежде чем связываться с этой женщиной.

– Это не его вина! – восклицаю я раздраженно.

– А чья? Может, моя? Или в тридцать лет не знаешь, что от нежелательной беременности помогают презервативы? Эль, очень тебя прошу: не спорь со мной сейчас. Он поставил нас в крайне неловкое положение. Еще и спектакль на виду у всех устроили, идиоты! Завтра будем мелькать в заголовках всей желтой прессы! – срывается мама.

– Он пытался уехать оттуда как можно быстрее, – вступаюсь за брата.

– Значит, плохо пытался. И смотри, этот Делион оказался не таким уж наивным мальчишкой. Закрутил романчик так

закрутил. Чтобы я тебя рядом с ним не видела!

Я горько усмехаюсь:

– И не планировала!

– Вот и славно. Все, ложись спать, но не забудь предупредить Мари. Не хватало нам еще одной истерики.

С этими словами она кладет трубку, а я плююсь на свой телефон. Неловкая ситуация, деньги, желтая пресса, скандал... Почему все такие черствые? Решаю позвонить Алексу, но его телефон отключен. Наверняка не я одна докучаю ему звонками. Вытащив из шкафа первые попавшиеся джинсы и ярко-малиновую майку с Микки Маусом, спускаюсь вниз. Этой вещи уже четыре года. Сначала она была мне платьем, потом я стала в ней спать. Обычно я не хожу в ней по дому, но в данный момент мне безразлично, в чем я. Стучу в комнату Мари.

– Минуту! – кричит она и открывает дверь с маской на лице и в халате.

– Папа просил передать, что задержится сегодня ночью, ну...

Она перебивает меня:

– Что с твоим лицом? И почему он сам мне не позвонил?

– Он был занят, и ему нужно поговорить с Алексом. Поэтому, думаю, и не позвонил. – Она меня сильно раздражает, но я стараюсь спокойно ответить на второй вопрос, пропуская первый.

– Ну да, твоему брату не мешало бы промыть мозги. Такое

устроить у всех на виду...

– Замолчи, – зло выплевываю я.

Она с возмущением смотрит на меня:

– Какая муха тебя укусила? Я все расскажу твоему отцу.

Я удаляюсь к лестнице и, не оборачиваясь, бросаю:

– Да, ему только не хватало слушать твое нытье по поводу моего плохого воспитания.

Мари громко хлопает дверью. Поэтому мы и не разговариваем! Лишь иногда обмениваемся короткими фразами. Некоторым людям лучше не общаться.

В своей комнате я сажусь на кровать, ставлю телефон на зарядку и начинаю его гипнотизировать. Мне нужна лишь одна эсэмэска от тебя, Алекс: «Я дома». И все! Больше от тебя ничего не требуется, братец. Но в течение трех часов ничего не приходит. Знаю, что он неаккуратный водитель и был не в том состоянии, чтобы сидеть за рулем. А еще мне известно, что, если бы не я, этого вечера вовсе могло и не быть. Если бы я не пошла по тому коридору, не открыла ту дверь, не сделала ту фотографию, то сейчас не сидела и не умирала бы от страха, думая, что с моим братом что-то случилось. Он давным-давно должен был написать мне. Мое сердце сжимается, я больше не могу ждать и вызываю такси, чтобы поехать к нему и проверить, дома ли он. Крадусь по коридору в сторону входной двери, у которой замираю. Дома стоит сигнализация, а я не знаю пароля. Марион несколько раз поймали за ночными вылазками, и было решено не сообщать пароль

ни одной из нас. Смотрю на циферблат и мечтаю о чертовом озарении.

Слышу кашель за спиной.

– Куда намылилась? – как ни в чем не бывало интересуется моя сводная сестра. – Ты, даже когда крадешься, шумишь, словно стадо слонов.

Вдруг она замечает выражение моего лица, и ехидство с насмешкой исчезают.

– Что произошло? Только без вранья, как есть, говори сейчас же.

– Твоя мамочка не рассказала тебе последние сплетни?

К моему удивлению, Марион не ведется на мой выпад.

– Я была на балконе и все видела.

В ее голосе нет упрека, абсолютно никаких эмоций.

– Алекс обещал написать, когда придет домой... и не сделал этого, – обессиленно признаюсь я.

Марион приподнимает бровь.

– Ну... у него был тяжелый вечер.

– Мы чуть не попали в аварию, и он обещал написать.

Как только мои слова доходят до нее, она меняется в лице.

– Пять-четыре-ноль-восемь – пароль от двери. Надеюсь, ты уже вызвала такси?

– Машина внизу, – говорю я, набирая цифры.

Не спрашиваю, откуда она знает пароль, мои мысли заняты другим. Марион надевает балетки и прямо в пижаме выбегает за мной.

– Я с тобой. И слышать ничего не желаю!

– Я не против, – отвечаю ей, и это правда. Мне сейчас так страшно, что иметь хоть кого-то рядом – жизненная необходимость.

По пустым ночным улицам мы быстро приезжаем к дому, в котором живет Алекс. Смотрю на окна: на четвертом этаже свет не горит.

– Как собираешься попасть внутрь? Тут даже в подъезд без ключа не зайти.

– У меня есть ключи, – достаю я из кармана джинсов связку.

Алекс дал мне их на случай, если Марион и Мари меня достанут, чтобы всегда было куда пойти, независимо от того, в городе он или нет. Марион удивлена, но еще больше обеспокоена. Она выхватывает ключи из моей руки и открывает дверь.

– Скорее! Если его нет дома, нужно звонить родителям! Чем быстрее мы проверим, тем лучше.

Не дожидаясь лифта, бежим по лестнице на четвертый этаж. Марион сосредоточена, а меня трясет. Она уверенно поворачивает ключ в замочной скважине, и мы оказываемся в квартире моего брата. Она включает свет. Первое, что я вижу, – другая связка ключей на столике в прихожей.

– Алекс! – кричу я, тяжело дыша после подъема.

В ответ тишина. От страха я прикусываю губу и смотрю на Марион.

– Сколько здесь комнат? – спрашивает она, осматриваясь.

– Шесть.

– Я посмотрю в тех, что слева, а ты – в тех, что справа. Проверь везде: и в душе, и в туалете. Он мог напиться и уснуть где угодно. – Ее голос звучит механически, словно она робот, без каких-либо эмоций. Но в глазах мелькает страх.

Быстро следуя ее совету и заглядываю в туалет – там пусто. Меня охватывает паника. Бегу в зал, из которого открывается вид на Сену. «Он часто засыпает тут» – с такими мыслями подбегаю к пустому дивану, и мое сердце сжимается. Но я не даю себе времени на истерику и бегу в кухню. Остановливаясь у двери, ведущей в его спальню. Она закрыта. И это странно. Он живет один, и у него нет привычки закрывать двери. Мне становится не по себе: никогда в жизни я так не боялась. Трясущимися руками берусь за ручку и открываю дверь. В комнате тихо и странно пахнет: спертый воздухом и чем-то еще. Очень темно, но мне кажется, что я вижу на постели силуэт. Секунду чувствую облегчение и тихо ступаю, чтобы не разбудить его. Около кровати я замираю.

Мано. Она лежит одетая на его кровати, не накрывшись.

Я делаю еще один шаг в темноте, и моя нога на что-то наступает. Противный треск заполняет тишину комнаты. Я наклоняюсь и поднимаю обломки. Оранжевый пластмассовый пузырек из-под лекарств. Держа кусочки в руке, наклоняюсь к Мано и легонько трясую ее.

– Мано, – тихо зову ее.

Она не откликается.

– Мано, – зову настойчивее и громче.

И снова молчание. Она похожа на фарфоровую куклу. На кровати, около ее руки, лежит второй пустой пузырек.

– Мано! – ору не своим голосом, понимая, что она не проснется.

Включаю свет. Загорается миллион маленьких лампочек на потолке, и я морщусь от яркой вспышки. Смотрю на Мано и впадаю в ступор: белое одеяло под ней насквозь пропитано кровью. Ярко-алая кровь на белоснежном фоне выглядит отвратительно. И в эту минуту я понимаю, что за странный запах в комнате: пахнет кровью. Я отшатываюсь, спотыкаюсь обо что-то и лечу на пол, больно ударяясь головой о комод. Затем слышу дикий крик, свой крик. Зову на помощь громко и отчаянно. Даже когда через минуту в комнате появляется Марион, не могу перестать орать. Вижу, что Марион куда-то звонит и со злостью мнет записку, лежавшую на прикроватной тумбочке. Она нервно поводит плечами, а затем смотрит мне в глаза. И я вижу, что в них стоят слезы. Марион наклоняется и крепко обнимает меня, а я больше не могу кричать – охрипла. Я лишь издаю тихие вопли. Жалкие, никому не нужные и никем не услышанные.

– Помогите...

Глава 5

Квантан

– Он не дал тебе по морде. Я до сих пор в шоке, – в очередной раз говорит Пьер, мой надоедливый кузен, и я еле сдерживаюсь, чтобы не нагрубить ему.

Капюсин, его девушка, стреляет в него неодобрительным взглядом, и он прикусывает губу. В комнате царит полумрак, я слышу звуки брякающей посуды и прочей возни. Наверное, стоит извиниться за беспорядок. Вот только после разговора с Алексом и истерики Мано у меня не осталось сил.

До меня доносится шум воды из кухни, после в дверях появляется Леа – девушка другого моего кузена, Рафаэля. У нее в руках поднос со стаканами и бутылкой воды. Я даже не знаю, где именно она нашла стаканы, ведь не помню, в какой они коробке. Она садится рядом со мной на велюровый синий диван, который мне выбрала сестра. Он ужасен, но я не смог ей в этом признаться. Думал, выкину через годик под предлогом, что испортил. Леа подает мне стакан воды с неловкой улыбкой. Они все здесь, чтобы поддержать меня. А я мечтаю остаться один.

– Спасибо, – бормочу я. Пить совсем не хочется. Точнее,

хочется, но не воду.

– Ты как? – тихо спрашивает она.

– Никак, – отвечаю честно, не в силах церемониться.

В комнате сразу становится тише.

– Ну знаешь... не то чтобы ты был лучшим другом Алекса и за его спиной проделывал что-то с его девушкой... Тем более что она уверяла тебя, что они расстались...

– Пьер, заглохни, – грубо бросает Раф.

Если Пьер – мастер нести фигню с умным видом, то Рафаэль – его полная противоположность: молчаливый, но довольно вспыльчивый. Чувствую, что он злится, но не могу понять, раздражаю ли его я или ситуация в целом. Он не смотрит на меня, садится на пол и хмурит брови. В воздухе повисает тишина. Никто не шевелится. В какой-то момент я понимаю: если сейчас не выскажусь, то сойду с ума.

– Чувствую себя куском дерьма, – начинаю я и, прежде чем они начнут убеждать меня в обратном, предупреждаю: – Просто послушайте. Я знал Алекса, но никогда не испытывал к нему уважения. Мне он казался дурачком. Его вечные шутки, подколы, тупая улыбка во все лицо. Он бесил меня как никто в этом мире. Каждый раз, когда я видел Мано рядом с ним, мне хотелось встряхнуть ее и сказать, что она достойна лучшего. И лучшим я считал себя. Но знаете, что я вам скажу? Я идиот, который не сумел разобраться в ситуации и не смог поступить правильно. Мне не стыдно, нет. Когда Алекс говорил со мной, глядя в глаза, я не чувствовал

стыда. Лишь осознал, какое я на самом деле ничтожество.

– Что он в итоге тебе сказал? – тихо спрашивает Капюсин, нервно перебирая пальцами бахрому на подушках. Очередной подарок, в этот раз от мамы.

И опять мне не хватило смелости сказать, что подушки отвратительны. Она с такой гордостью сообщила мне, что подбирала их специально к дивану.

Видимо, я не могу скрыть своего раздражения – пальцы Капюсин замирают. Мне хочется извиниться и сказать, что дело не в ней. Но у меня нет сил на тупые разговоры. Я лишь хочу, чтобы они выслушали меня и ушли. Закрываю лицо руками, мне сложно делиться этим, поэтому молчу. Алекс сказал мне, что я не мужчина, и самое отвратительное – что он прав.

Никто не требует ответа, все внимательно смотрят на меня и словно понимают недосказанное. Рафаэль молча закуривает, в комнате вновь повисает неловкое молчание.

– Ты так и не нашел ту девушку, – пожимая плечами, грустно говорит Капю. – Что будешь делать?

– Ничего, – отвечаю я сухо, стараясь унять злость.

Даже не знаю, как она выглядит без долбаной маски. Знаю лишь, что у нее невероятные бирюзовые глаза, и когда я смотрел в них, на душе становилось спокойно и тепло. Я почувствовал притяжение, которого не испытывал ни разу в жизни. А наш танец... Когда я держал ее за талию, в голове отчаянно звучала одна мысль: «Не отпускай ее, никогда не

отпускай». В душе разгорается огонь, и я со злостью сжимаю кулаки. Почему она не дождалась меня? Почему?!

— Ладно, мы пойдем. Но если тебе что-нибудь понадобится, звони, — говорит Рафаэль и резко встает с пола.

— Все наладится, — шепчет Леа.

— Все будет хорошо, вот увидишь! — пытается поддержать меня Пьер.

Я еле сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза. Он чувствует мой скептицизм и твердо произносит:

— Да, банальность. Но так оно и есть.

Со мной попрощались все, кроме Рафаэля, который первым покинул квартиру. За это мне хочется ему врезать. С их уходом становится тихо, слишком тихо. Будто они забрали с собой нечто жизненно необходимое. Я остался один в квартире.

Я вселился сюда три дня назад. Мне отчаянно хотелось перемен, и я нашел это место. Смотрю на пустые окна: мама обещала подобрать занавески. И я не смог сказать ей «нет» — она с таким энтузиазмом говорила мне об этом. Из окна видна Триумфальная арка. Я хотел бы повесить простые, белые, почти прозрачные занавески, чтобы они не отвлекали от вида. Но, зная свою мать и глядя на бахрому на подушках, понимаю, что этого не будет. Помню, когда агент по недвижимости первый раз привела меня сюда, она очень гордилась этим видом. Да и я как зачарованный уставился в окно и через минуту сказал, что покупаю квартиру. Мне хотелось

иметь собственный дом, который был бы теплым, уютным и, главное, *моим*. Капюсин и Пьер скоро уезжают путешествовать по Европе, у Рафаэля и Леа тоже свои планы. Я выпал из общей схемы, поэтому переехал сюда. Мне нужно было почувствовать свое место. Но, сидя на диване, выбранном моей сестрой, понимаю, что и здесь нет ничего моего. Теперь просто хочется уехать куда-нибудь далеко, туда, где меня никто не знает.

Интересно, почему та девушка в красной маске сбежала? Когда я попросил подождать меня, ее прекрасные голубые глаза кричали: «Да! Да! Я дождусь!» Мне казалось, то, что испытываю я, чувствует и она. На миг возникло ощущение, что у нас одни эмоции на двоих. А на деле стоило мне отвернуться, как она тут же исчезла. Пора бы привыкнуть, что люди говорят одно, а делают другое. Но все равно очередное разочарование. В ней было что-то загадочное, притягательное и успокаивающее. Хотя, вероятно, дело в маске и в том, что я так и не узнал, как она выглядит без нее. Луиза... отвратительное имя. Мне никогда не нравилось. Когда она представилась, я чуть не поморщился. Но потом, повторив его миллион раз про себя, понял, что оно ей не подходит. Полный диссонанс имени с внешностью и характером. Впрочем, какая, к черту, разница? Она не дождалась меня, и я больше никогда ее не увижу. Отчего на душе так мерзко? Всего лишь девчонка, один танец и краткий поцелуй. Но почему мне скверно? В глубине души теплится надежда найти

ее.

Открываю нараспашку окна, и теплый летний воздух обдувает меня с головы до ног. Но мне все равно холодно. Холодно глубоко в душе. В момент нашего общения я почувствовал разгорающееся тепло. А во время короткого поцелуя внутри меня что-то запылало. С ее уходом это исчезло.

Вдали мерцают Елисейские Поля, они кажутся ненастоящими. Миллион огоньков горит в темноте, даже в такое время там гуляют люди. Я всегда любил Париж и чувствовал себя здесь как дома. Но что-то изменилось глубоко внутри меня.

Я подал документы в несколько университетов, и каждый дал мне положительный ответ. Но месяц назад, когда я только увидел эту квартиру и вид из окна, сказал родителям, что остаюсь в Париже и перед ними стоит будущий студент одного из самых древних университетов мира. Я выбрал Сорбонну, Париж, но сейчас уже не так уверен в правильности выбора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.